

KING COUNTY LIBRARY SYSTEM

31000051624842

СКОЙ ПРЕМИИ
И ПО ЛИТЕРАТУРЕ

ДЖ. М. КУТЗЕЕ

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

Один из важнейших
англоязычных авторов
двадцатого, а теперь
и двадцать первого
века.

THE TIMES

Книги
ДЖ. М. КУТЗЕЕ,
опубликованные
Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

БЕСЧЕСТЬЕ
В ОЖИДАНИИ ВАРВАРОВ
СЦЕНЫ ИЗ ЖИЗНИ
ПРОВИНЦИАЛА:
Отрочество. Молодость. Летнее время
ПОЛЯК

ДЖ. М. КУТЗЕЕ
ПОЛЯК

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44
К 95

J. M. Coetzee
THE POLE

Copyright © 2023 by J. M. Coetzee
By arrangement with Peter Lampack Agency, Inc.
350 Fifth Avenue, Suite 5300
New York, NY 10118 USA
All rights reserved

Перевод с английского Марины Клеветенко
Оформление обложки Вадима Пожидаева
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Кутзее Дж. М.

К 95 Поляк : роман / Джон Максвелл Кутзее ; пер.
с англ. М. Клеветенко. — М. : Иностранка, Азбука-
Аттикус, 2023. — 176 с. — (Большой роман).

ISBN 978-5-389-23820-6

Впервые на русском — новейший роман прославленного
Джона Максвелла Кутзее, дважды лауреата «Букера» и лауреата
Нобелевской премии по литературе, «последнего из наших вели-
ких писателей» (*Nation*), знаменитого автора таких романов, как
«Бесчестье» и «В ожидании варваров», а также автобиографиче-
ской трилогии «Сцены из жизни провинциала».

Беатрис — молодожаво-грациозная дама из Барселоны, мать
двоих детей, жена банкира, активная участница Концертного
Круга меломанов. Однажды Концертный Круг приглашает вы-
ступить в Барселоне польского пианиста Витольда, в фамилии
которого столько букв «ч», что никто не может ее выговорить и
все называют его просто поляком. Он «известный интерпретатор
Шопена, впрочем достаточно своеобразный: его Шопен ничуть
не романтик, напротив, он строг, Шопен как наследник Баха».
Поначалу Витольд не производит на Беатрис особого впечатле-
ния, а вот она на него — еще какое. Но как донести свои истин-
ные чувства на языке, который тебе не родной?..

УДК 821.111
ББК 84(6Южн)-44

© М. В. Клеветенко, перевод, 2023
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2023
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-23820-6

Кутзее — наш самый радикальный хамелеон.

Australian

Один из важнейших англоязычных авторов двадцатого, а теперь и двадцать первого века.

The Times

Кутзее — величайший, пожалуй, философ современности, предпочитающий мыслить в жанре художественной прозы. Каждое новое пополнение его творческого наследия — редкий подарок. За какие же заслуги дарован нам такой мастер?

Age

От знаменитого автора «Бесчестья» — новейший роман о польском пианисте, влюбляющемся в женатую испанку. Сперва она пытается его игнорировать — но мало-помалу невольно вовлекается в его орбиту. Не зря Кутзее так ценят за филигранное изображение сложных человеческих отношений и переменчивой расстановки сил в них.

LitHub

Ожидаемо прекрасно... Кутзее — самый, наверное, выдающийся живой классик.

Radio New Zealand

Свободный от любых литературных условностей, мистер Кутзее не ставит перед собой задачи давать ответы; его задача — формулировать великие вопросы.

Economist

Кутзее — один из лучших писателей наших дней.

Sunday Times

В этом романе характерная авторская манера изящно оттеняет эмоциональный хаос и непредсказуемость самой жизни; «искусство прозы» в своем высочайшем проявлении.

Books+Publishing

Кутзее — не просто литератор первой величины, а натуральная сила природы.

Sunday Star Times

С поистине толстовской безбоязненностью, но также с искренним сочувствием Кутзее рассматривает здесь вещи, которые становятся важными на закате — жизни, любви, истории.

Australian Book Review

Великая литература — а Кутзее несомненно творит именно великую литературу — делает человека лучше, поднимает его над ошибками повседневности. В «Поляке» Кутзее опять исследует любимые темы, от онтологии бытия до природы вожделения. Обманчиво безмятежная поверхность скрывает неожиданные глубины, с проблесками юмора, меланхолии, глобальной экзистенции, одержимости прошлым.

Guardian

Новый роман Кутзее — своего рода постскрипtum к его недавней трилогии об Иисусе — так и лучится неповторимым юмором, глубокими озарениями...

Substack

О Кутзее в последнее время было написано великое множество и статей, и литературоведческих трудов — и, читая «Поляка», нетрудно понять почему. Настоящий подарок и давним почитателям мастера, и тем, кто только открывает для себя его творчество.

Conversation

Роман сокрушительной оригинальности... интенсивный ток полнокровного чувства пронизывает читателя на каждом сюжетном зигзаге. Кутзее рисует мир, до боли знакомый нам в мельчайших деталях, и пробуждает эмоции удивительного накала и странности. Как бы ни было это слово истерто, перед нами именно шедевр, подлинное чудо, непостижимое, трогательное и глубокое.

Weekend Australian

Поистине уникально — и при этом содержит все то, за что мы давно полюбили Кутзее: элегантный стиль, утонченный юмор, фирменное нежелание давать готовые ответы.

Великие книги открывают читателям дверь в новый мир. И в данном случае это мир музыки Шопена — среди прочих миров...

Saturday Paper

Книги Кутзее удивительным образом и затягивают читателя с головой, и побуждают к философскому самоанализу.

Good Reading

Кутзее вернулся к своим привычным и плодотворным наваждениям — загадка жизни, напряжение между скрытым и явным, свободой воли и предопределением. Новое выдающееся произведение в ряду признанных шедевров, посвященных пианистам, таких как «Безутешные» Кадзуо Исигуро, «Пропавший» Томаса Бернхарда, «Равель» Жана Эшноза.

Clarín

«Поляк» демонстрирует неистощимую палитру ощущений, в диапазоне от слепой, нерассуждающей любви до простого человеческого сочувствия.

El País

Таинственные отношения между искусством, любовью и человеческим опытом новый роман Кутзее утверждает самым недвусмысленным образом, выводя на первый план глубинные взаимовлияния музыки и языка.

Booklist

Кутзее виртуозно препарирует требования, которые мы предъявляем к искусству и творцам искусства.

TimeOut New York

С утонченным, почти невидимым героизмом персонажи Кутзее пытаются жить будничной жизнью; иногда им это даже удается.

The San Diego Union-Tribune

Кутзее — один из величайших мастеров неявного и недосказанного.

New York Review of Books

Кутзее пишет с хирургической точностью и экономией. Его фразы — как сжатые пружины; на то, чтобы накопить столько же энергии, другим авторам понадобились бы десятки страниц.

The New Yorker

Последний из наших великих писателей, Кутзее давно обжил и исследовал вдоль и поперек тот духовный и интеллектуальный тупик, о котором большинство современников даже не подозревают.

Nation

Автор, который заново изобрел законы жанра, всегда объявляется изгоем. Кутзее стал таким полвека назад с выходом своего первого же романа — и отнюдь не думает исправляться.

New York Times Book Review

Его обманчиво безыскусная проза отточена до остроты бритвенного лезвия. Человеческую природу со всеми ее непредсказуемыми вывертами Кутзее привычно вскрывает до самого дна души.

Publishers Weekly

Благодарности

Я благодарю Марианну Димопулос, Жоржа Лори и Валери Майлз за советы во время работы над «Поляком».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1 Неприятности начинаются с женщины — мужчина вскоре добавит своих.

2 Поначалу он твердо знает, какой она будет. Высокая и грациозная, не красавица, если судить по обычным меркам, но ее черты поражают: темные волосы и глаза, высокие скулы, полные губы, а голос — низкое контральто — обладает вкрадчивым обаянием. Сексуальна? Нет, и уж точно не соблазнительна. В молодости — возможно (странно было бы, если бы не, с такой-то фигурой), но сейчас, когда ей ближе к пятидесяти, в ней проглядывает некоторая отстраненность. Это особенно заметно, когда она ходит — не показывая бедрами, а прямо, даже величаво скользя по полу.

Так бы он описал ее внешность. Что до нее самой, до ее души, то, чтобы раскрыться, ей требуется время. В одном он уверен: человек она хороший, добрая, приветливая.

3 С мужчиной хлопот больше. Общий замысел ясен. Поляк, довольно энергичный для своих семидесяти, концертирующий пианист, известный интерпретатор Шопена, впрочем достаточно своеобразный: его Шопен ничуть не романтик, напротив, он строг, Шопен как наследник Баха. В этом смысле поляк на концертной сцене своего рода ди-ковинка, и это привлекает к нему внимание небольшого, но взыскательного Концертного Круга меломанов из Барселоны — города, куда его пригласили, города, где он встретит грациозную женщину с вкрадчивым голо-сом.

Стоит поляку выступить на свет, он начинает меняться. С такой впечатляющей седой гривой и своеобразной исполнительской манерой он обещает стать личностью весьма яркой. Однако его натура, его чувства ускользают, и это тревожит. Несомненно, играет он с душой, но душа, что управляет им, ему не принадлежит — это душа Шопена. И если кому-то она кажется сухой и суровой, возможно, это отражение его собственной сдержанности.

4 Откуда они появились, высокий польский пианист и элегантная женщина с плавной походкой, жена банкира, занятая

благотворительностью? Весь год они стучались в дверь, желая, чтобы им открыли или отпустили их на покой. Выходит, пришло их время?

5 Приглашение исходит от Концертного Круга, который уже много десятилетий организует сольные концерты знаменитостей в зале Момпоу¹ в Готическом квартале² Барселоны. Билеты можно купить, дорого, поэтому публика состоит из немолодых, богатых и весьма консервативных в своих музыкальных пристрастиях слушателей.

Женщина, о которой идет речь, — ее имя Беатрис — состоит в правлении Круга, занимаясь устройством концертов. Для нее это общественная нагрузка. Помимо прочего, она верит, что музыка имеет самостоятельную ценность, как любовь, благотворительность или красота, и что музыка делает людей лучше. И пусть ее убеждения наивны, отступать от них она не намерена. Беатрис умна, но не склонна к рефлексии. Ум подсказывает ей,

¹ Федерико Момпоу (1893–1987) — каталонский пианист и композитор, среди его сочинений есть «Вариации на тему Шопена» — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Готический квартал (Барри Готик) — одна из главных достопримечательностей Барселоны, отреставрированный квартал римских и средневековых построек, знаменитый площадями, церквями и дворцами.

что избыток размышлений способен парализовать волю.

6 Решение пригласить поляка, в фамилии которого столько «ч», что никто в правлении не способен ее произнести, и поэтому они называют его просто «поляком», принимается не без сомнений. Его кандидатуру предлагает не она, Беатрис, а ее подруга Маргарита, идейная вдохновительница серии концертов, — в молодости Маргарита училась в мадридской консерватории и разбирается в музыке гораздо лучше, чем Беатрис.

У себя на родине, утверждает Маргарита, поляк проложил путь новому поколению интерпретаторов Шопена. Она рассылает рецензию на его лондонский концерт. По мнению рецензента, мода на жесткого, бравурного Шопена — Шопена в роли Прокофьева — отжила свое. Она всегда отражала реакцию модернистов на репутацию франко-польского гения, которого считали утонченным, мечтательным, «женственным». Исторически аутентичный Шопен мягок и не лишен итальянского колорита, а его новаторская трактовка, пусть даже чрезмерно аналитическая, заслуживает похвалы.

Она, Беатрис, не уверена, что готова весь вечер слушать исторически аутентичного

Шопена и, что важнее, готов ли к новой трактовке довольно закоряченный Концертный Круг. Но Маргарита настаивает, и Беатрис принимает сторону подруги.

Приглашение с предложенными датой концерта и суммой гонорара отослано — и принято. И вот настает этот день. Поляк прилетает из Берлина, в аэропорту его встречают и отвозят в отель. Согласно плану после концерта Беатрис вместе с Маргаритой и ее мужем ведут гостя ужинать.

7 Почему на ужине не будет мужа самой Беатрис? Ответ: он никогда не участвует в мероприятиях, организуемых Кругом.

8 План достаточно прост. Однако возникает заминка. Утром Маргарита сообщает по телефону, что на концерт не придет. Она формулирует довольно расплывчато: *caído enferma*, заболела. Чем именно? Маргарита не признается. Она уклончива, и, кажется, неспроста. Как бы то ни было, на концерте Маргариты не будет. Не будет и ее мужа. Поэтому не могла бы она, Беатрис, взять на себя роль гостеприимной хозяйки? Позаботиться, чтобы гостя вовремя доставили из отеля в концертный зал, а после развлечь, если он

того пожелает. Чтобы, вернувшись домой, он сказал друзьям: «Да, я чудесно провел время в Барселоне, да, меня там хорошо принимали».

— Ладно, — говорит Беатрис. — Я готова. Поправляйся.

9 Они с Маргаритой вместе учились в монастырской школе; ее всегда восхищал характер подруги, ее предприимчивость, умение себя подать. Теперь Беатрис придется занять ее место. Что это значит — развлечь мужчину, которого ненадолго занесло в незнакомый город? Разумеется, на секс он не рассчитывает, в его-то годы. Однако наверняка надеется на лесть или даже флирт, а это не то искусство, в котором сильна Беатрис. В отличие от Маргариты. Та другая. Легко сходится с мужчинами. Она, Беатрис, не раз с удовольствием наблюдала, как подруга одерживает победы. Но подражать ей Беатрис не намерена. И если их гость вообразил, будто ему будут петь дифирамбы, придется его разочаровать.

10 По словам Маргариты, поляк — «действительно выдающийся пианист». Ей довелось посетить его концерт в Париже. Мо-

жет быть, между этими двумя что-то было? И, организовав его визит в Барселону, Маргарита в последнюю минуту струсила? Или мужу наконец надоело и он выставил ей ультиматум? И ее «заболела» следует понимать именно так? Зачем все усложнять?

И поэтому теперь ей придется ублажать незнакомца! Нет никаких оснований полагать, что он знает испанский. А что, если он и английским не владеет? Или из тех поляков, что изъясняются по-французски? Среди завсегдатаев Круга по-французски говорят только супруги Лесински, Эстер и Томас; Томасу за восемьдесят, и он очень сдал. Вряд ли поляк ожидает, что вместо энергичной Маргариты ему подсунут дряхлых Лесински.

Предстоящий вечер ее не радует. Что за жизнь у бродячих артистов, думает Беатрис. Аэропорты, отели — разные, но все на одно лицо; устроители концертов, под которых приходится подлаживаться, — разные, но тоже на одно лицо: восторженные дамочки средних лет, сопровождаемые изнывающими от скуки мужьями. Достаточно, чтобы загасить любую искру, если она еще теплится.

Хорошо хоть она не собирается им восторгаться. Или болтать без умолку. Если после концерта он захочет погрузиться в утрюмое молчание, она составит ему компанию.

11 Организовать выступление, проследить, чтобы все прошло гладко, — дело не легкое. С обеда она в концертном зале, подбадривает персонал (по опыту она знает, их старший не особенно расторопен), ставит галочки напротив пунктов плана. Так ли необходим план? Нет. Но вниманием к деталям Беатрис докажет, что обладает усердием и компетенцией. По сравнению с ней поляк покажет себя непрактичным и непредусмотрительным. Если подсчитывать добродетели, то у поляка бóльшая их часть расходуется на музыку, а на взаимодействие с окружающим миром остается всего ничего; она же расходует свои добродетели равномерно, во всех направлениях.

12 На рекламных снимках мужчина с резким профилем и копной седых волос смотрит вдаль. К снимкам прилагается биография: Витольд Вальчукевич родился в 1943 году, на сцене дебютировал в возрасте четырнадцати лет. Перечисляются его награды, некоторые записи.

Она гадает, каково это — родиться в 1943 году в Польше, в разгар войны, когда нечего было есть, кроме супа из капусты и картофельных очистков? Дает ли это за-

держку в физическом развитии? А как насчет характера? Повлияло ли на Витольда В., на его кости, на его дух голодное детство?

Ребенок, плачущий в ночи, скулящий от голода.

Она родилась в 1967 году. В 1967-м никому в Европе не приходилось хлебать суп из картофельных очистков — ни в Польше, ни в Испании. Она никогда не голодала. Никогда. Благословенное поколение.

Благословенны и ее сыновья. Из них вышли энергичные молодые мужчины, самостоятельно торящие путь к жизненному успеху. Если им и случалось плакать ночью, то лишь из-за того, что натер подгузник, или просто из вредности, но никак не от голода.

В стремлении к успеху ее сыновья пошли в отца, не в мать. Их отец определенно многого добился в жизни. А что до матери — сразу и не скажешь. Достаточно ли произвести на свет двух упитанных и сильных особей мужского пола?

13 Она умна, хорошо образованна, начитанна, образцовая мать и жена. Однако никто не воспринимает ее всерьез. Как и Маргариту. Как и остальных женщин из их Круга. Светские дамы — предмет насмешек.

Легко смеяться над их благими делами. Они и сами не прочь над собой посмеяться. Какая нелепая судьба! Могла ли она догадываться, что ее ждало?

Возможно, поэтому Маргарита решила заболеть именно сегодня. *¡Basta!* Хватит благотворительности!

14 Ее собственный муж держит дистанцию от ее Концертного Круга. Он верит в разделение сфер. Ее сфера деятельности должна принадлежать только ей.

Они с мужем больше не близки. Когда-то они вместе учились в университете; он был ее первой любовью. В те давние дни их было друг от друга не оторвать. Эта ненасытность не исчезла после рождения детей. Но в один прекрасный день все закончилось. Его к ней больше не тянуло, ее не тянуло к нему. Тем не менее Беатрис осталась ему верна. Мужчины флиртуют с ней, она уклоняется, но не потому, что ей неприятны их заигрывания, — она еще не готова к шагу, сделать который может только она, к шагу между «нет» и «да».

15 Она впервые видит поляка во плоти, когда он выходит на сцену, кланяется и усаживается за «Стейнвей».

Поляк. Часть первая

Родился в 1943 году, сейчас ему семьдесят два. Легок на подъем и не выглядит на свои годы.

Ее поражает его рост. Поляк не только высокий, но и крупный, грудь выпирает из-под фрака. Когда он нависает над клавишами, то похож на огромного паука.

Трудно вообразить, что эти ручищи способны извлечь из клавиатуры что-то нежное и кроткое. Однако они справляются.

Нет ли у пианистов-мужчин врожденного преимущества перед женщинами? У женщины такие руки смотрелись бы нелепо.

Раньше она не придавала большого значения рукам — послушным слугам, которые трудятся во благо хозяина, не прося оплаты. В ее руках нет ничего особенного. Руки женщины, которой скоро исполнится пятьдесят. Иногда она прячет их. Руки выдают возраст, как и шея, и складки подмышками.

Во времена ее матери женщина еще могла появляться на публике в перчатках. Перчатки, шляпки, вуали — последние следы ушедшей эпохи.

16 Второе, что поражает ее в поляке, — его шевелюра: эксцентрично седовласая, эксцентрично стоящая дыбом. Беатрис

гадает, как он готовится к выступлению: сидит в гостиничном номере, пока парикмахер делает ему начес? А впрочем, что за придирики. Для музыкантов его поколения, наследников аббата Листа, грива, белая или с проседью, вероятно, необходимый аксессуар.

Спустя годы, когда история с поляком отойдет в прошлое, она задумается об этих ранних ощущениях. В целом она верит, что первое впечатление не обманывает и сердце выносит вердикт, либо потянувшись к незнакомцу, либо отшатнувшись от него. Ее сердце не дрогнуло, когда поляк вышел на сцену, встряхнул шевелюрой и сел за рояль. Вердикт ее сердца: «Что за позер! Какой-то старый клоун!» Потребуется время, чтобы преодолеть эту первую, интуитивную реакцию, разглядеть его особость, его самость. А что, в конце концов, входит в эту самость? Разве может Беатрис быть уверена, что самость не включает, помимо прочего, и позу старого клоуна?

17 Концерт состоит из двух отделений. В первом исполняется соната Гайдна и танцевальная сюита Лютославского. Второе посвящено двадцати четырем шопеновским прелюдиям.

Поляк. Часть первая

Соната Гайдна в его исполнении хрупка и чиста, он словно демонстрирует, что эти крупные кисти вовсе не грубы и способны порхать, как дамские ручки.

Маленькие пьесы Лютославского она слышит впервые. Они напоминают ей крестьянские танцы Бартока. Они ей нравятся.

Они нравятся ей больше, чем следующий за ними Шопен. Возможно, поляк и сделал себе имя как его интерпретатор, но Шопен, которого знает она, сокровеннее и нежнее. Ее Шопен способен перенести Беатрис из Барри Готик, из Барселоны, в гостиную большой старинной усадьбы на далеких польских равнинах, где долгий летний день подходит к концу, ветерок колышет занавески, а в доме витает аромат роз.

Перенестись, потеряться в пути: определенно устаревшее представление о том, что музыка делает с теми, кто ее слушает, — устаревшее и к тому же сентиментальное. Но это то, чего ей хочется сегодня вечером, и этого поляк ей не дает.

За последней прелюдией следуют аплодисменты: вежливые, но без энтузиазма. Она не единственная, кто пришел послушать Шопена в исполнении настоящего поляка и был разочарован.

На бис, в знак признательности хозяевам, он в довольно рассеянной манере исполняет

короткую пьесу Момпоу, после чего удаляется без тени улыбки.

Не в настроении? Или он такой всегда? Собирается позвонить домой и пожаловаться на прием, оказанный ему каталонскими обывателями? Есть ли мадам полячка, готовая выслушать его сетования? На женатого он не похож. Скорее, на мужчину, за плечами у которого не один развод, а бывшие жены скрипят зубами, желая ему зла.

18 Оказывается, по-французски он не говорит. Однако довольно сносно изъясняется по-английски; Беатрис после двух лет в колледже Маунт-Холио¹ свободно владеет английским. Поэтому полиглоты Лесински им без надобности. Впрочем, хорошо, что они рядом, снимая часть бремени с ее плеч. Особенно Эстер. Старенькая и согбенная, она тем не менее остра, как булавочное острие.

19 Они ведут его в ресторан, куда обычно водят музыкантов, — итальянское заведение «Боффини», в интерьере которо-

¹ Один из старейших (основан в 1837 г. пионеркой женского образования Мэри Лайон) и лучших частных женских колледжей Америки; расположен в Саут-Хэдли, штат Массачусетс.

Поляк. Часть первая

го, возможно, и многовато бутылкочно-зеленого бархата, зато кухней заведует надежный шеф-повар из Милана.

После того как они рассаживаются, первой заговаривает Эстер:

— Должно быть, нелегко спускаться на землю с облаков, где вы парили со своей возвышенной музыкой, маэстро.

Поляк наклоняет голову, не соглашаясь насчет парения в облаках, но и не возражая. Вблизи возраст заметнее. Мешки под глазами, обвисшая кожа на горле, пигментные пятна на тыльной стороне кистей.

Маэстро. Прежде всего следует определиться с именами.

— Если позволите, — говорит она, — как к вам обращаться? Думаю, вы успели заметить, нам, испанцам, польские имена кажутся сложными. Нельзя же называть вас весь вечер маэстро.

— Мое имя Витольд, — отвечает он. — Можете так ко мне обращаться. Пожалуйста.

— А я Беатрис. наших друзей зовут Эстер и Томас.

Поляк поднимает пустой бокал, приветствуя троих новых друзей: Эстер, Томаса, Беатрис.

— Наверняка, Витольд, я не первая, кто путает вас с тем знаменитым шведским актером... вы знаете, о ком я.

Тень улыбки пробегает по лицу поляка.

— Макс фон Зюдов, — говорит он. — Мой злобный братец. Преследует меня везде, где бы я ни появился.

Эстер права: то же вытянутое скорбное лицо, те же выцветшие голубые глаза, та же гордая осанка. Только голос разочаровывает. Ему явно не хватает глубины тембра «злобного братца».

20 — Расскажите нам о Польше, Витольд, — говорит Эстер. — Объясните, почему ваш соотечественник Шопен предпочел жить во Франции, а не на родине.

— Если бы Шопен прожил подольше, он вернулся бы, — отвечает поляк, с явным усилием, но безошибочно расставляя времена. — Он был молод, когда уехал, — и молод, когда умер. Дома молодые несчастливы. Вечно ищут приключений.

— А вы? — спрашивает Эстер. — В молодости вы, как и он, были несчастны на родине?

Для поляка Витольда это возможность рассказать, каково быть молодым и неутомленным на своей несчастной родине, о желании сбежать на декадентский, но такой манящий Запад, но он ею не пользуется.

Поляк. Часть первая

— Счастье — это не важное... не главное чувство, — отвечает он. — Каждый может быть счастлив.

«Каждый может быть счастлив, но для того, чтобы быть несчастным, нужен некто особенный, кто-то вроде меня» — он это имеет в виду?

— Тогда какое чувство важнее, Витольд? — слышит Беатрис свой голос. — Если счастье не главное, что тогда важно?

За столом становится тихо. Эстер с мужем переглядываются. «Зачем она все усложняет? Нам предстоит несколько трудных часов, а она намерена сделать их еще труднее?»

— Я музыкант, — говорит он. — Музыка для меня важнее всего.

Он не отвечает на вопрос, уклоняется, но это не имеет значения. О чем ей действительно хочется спросить, но она этого не делает: «А как же мадам Витольд? Что она чувствует, когда ее муж заявляет, что счастье не главное? Или нет никакой мадам Витольд — мадам давным-давно сбежала, чтобы обрести счастье в объятиях другого?»

21 О мадам Витольд он не упоминает, зато рассказывает о дочери, которая училась музыке, затем уехала в Германию играть в группе и обратно не вернулась.

— Однажды я слышал ее. В Дюссельдорфе. Мне понравилось. Хороший голос, хорошая подача, но сама музыка не очень.

— Да, с молодыми так всегда... — говорит Эстер. — Причиняют нам столько душевных страданий. Но вы должны радоваться, что музыкальная линия в семье продолжается. А как обстоят дела в вашей стране? Я помню хорошего папу, он же оттуда? Иоанн Павел.

Похоже, поляк не хочет обсуждать Иоанна Павла, хорошего папу римского. Она, Беатрис, не считает Иоанна Павла хорошим папой. И даже хорошим человеком. С самого начала он казался ей интриганом и политиканом.

22 Они обсуждают молодого японского скрипача, который выступал в прошлом месяце.

— Выдающее техническое мастерство, — говорит Томас. — Там, в Японии, они очень рано начинают. В два, в три года ребенок повсюду таскает с собой скрипку. Даже в туалет! Скрипка становится частью тела, как третья рука. А вы когда начали, маэстро?

— Моя мать была певицей, — отвечает поляк, — поэтому в доме всегда звучала музыка. Мать была моей первой учительницей,

потом другой учитель, потом академия в Кракове.

— Значит, вы всегда были пианистом. С самого детства.

Поляк серьезно раздумывает над словом «пианист».

— Я был человеком, который играет на фортепьяно, — наконец говорит он. — Как тот человек, который компостирует в автобусе билеты. Он человек, и он компостирует, но он не компостер.

Значит в польских автобусах есть люди, которые пробивают дырки в билетах, — там до сих пор не усовершенствовали систему. Может быть, поэтому юный Витольд не сбежал в Париж, как его музыкальный герой. Потому что в Польше есть люди, которые компостируют билеты, и люди, которые играют на фортепьяно. Впервые Беатрис думает о нем с теплотой. «Возможно, под этой важной наружностью скрывается шутник. Почему бы и нет».

23 — Вы должны попробовать телятину, — говорит Томас. — Телятина здесь всегда хороша.

Поляк отказывается:

— У меня не крепкий живот, особенно по вечерам.

Он заказывает салат и ньокки с соусом песто.

«Крепкий живот» — какое-то польское выражение? Живот у него определенно не большой. Поляк скорее — она подбирает слово, которым пользуется нечасто, — *cadavérico*, костистый, как труп, как скелет. Он должен завещать свое тело медицинскому факультету. Они оценят такие большие кости, на которых можно практиковаться.

Шопена похоронили в Париже, но потом, если она правильно помнит, какое-то патристическое общество эксгумировало прах и перевезло на родину. Хрупкое, почти невесомое тело. Тонкие косточки. Достаточно ли велик этот человек, чтобы посвятить ему жизнь, — мечтателю, ткущему изысканную материю звука? Для нее это важный вопрос.

В сравнении с Шопеном и даже с его последователем Витольдом она не заслуживает внимания. Беатрис это понимает и принимает. Однако она имеет право знать, тратит ли впустую часы, терпеливо слушая треньканье клавиш или скрежет конского волоса по струне — когда могла бы кормить бедных на улице, — или это часть более важного замысла? Ей хочется крикнуть ему: «Говори, докажи, что твое искусство, что все это — не зря!»

24 Разумеется, он понятия не имеет о том, что творится у нее в душе. Для него она — часть бремени, которое приходится нести из карьерных соображений: одна из тех прилипчивых богачек, которая не оставит его в покое, пока не вытрясет положенное. Как раз в эту минуту он на своем медлительном, но правильном английском излагает историю, которая должна понравиться такой, как она, — о своем учителе, который сидел над ним и всякий раз, стоило ему сфальшивить, бил по рукам линейкой.

25 — А теперь вы должны признаться, Витольд, — говорит Эстер, — какой город из тех, где вы гастролировали, понравился вам больше всего? Где — разумеется, за исключением Барселоны — вас лучше всего принимали?

Не давая возможности поляку ответить — признаться, какой из городов понравился ему больше всего, — она, Беатрис, вмешивается в разговор:

— Прежде чем вы ответите, Витольд, не могли бы мы на минуту вернуться к Шопену? Как вы считаете, почему он продолжает жить? В чем его важность?

Поляк одаривает ее холодным взглядом.

— В чем его важность? Он рассказывает нам про нас. Про наши желания. Которых порой мы сами не осознаем. Таково мое мнение. Когда мы желаем того, чего не можем иметь. Рассказывает о том, что выше нас.

— Я не понимаю.

— Вы не понимаете, потому что мне не хватает английского, чтобы объяснить, впрочем, я не сумел бы объяснить это ни на одном языке, даже по-польски. Чтобы понять, вы должны перестать говорить и начать слушать. Позвольте говорить музыке, и тогда вы поймете.

Она не удовлетворена ответом. Дело в том, что она слушала, максимально сосредоточенно, но ей не понравилось то, что она услышала. Будь она с ним наедине, без супругов Лесински, Беатрис высказалась бы более откровенно. «Это не сам Шопен отказывается говорить со мной. Это ваш Шопен, Витольд, Шопен, который использует вас как медиума». Так бы она ему сказала и продолжила: «Клаудио Аррау — вы его знаете? — остается для меня лучшим интерпретатором, лучшим медиумом. Через Аррау Шопен говорит с моим сердцем. Разумеется, Аррау не поляк, может быть, чего-то он не сумел расслышать, какую-то тайну, доступную только землякам Шопена».

26 Вечер идет своим чередом. На тротуаре перед рестораном супруги Лесински откланиваются («Для нас это было большой честью, маэстро»). Ей остается проводить его до отеля.

Выговорившись, они молча сидят в такси, бок о бок. Что за день, думает Беатрис. Поскорей бы добраться до кровати.

Она слишком остро ощущает его запах: мужской пот и одеколон. Конечно, на сцене под светом софитов всегда жарко. А сколько усилий требуется, чтобы нажимать на все эти клавиши, одну за другой, ни разу не перепутав! Запах можно извинить, но все же...

Они подъезжают к отелю.

— Спокойной ночи, милостивая госпожа, — говорит поляк, берет ее руку, сжимает. — Спасибо. Спасибо за глубокомысленные вопросы. Я этого не забуду.

Затем он уходит.

Она разглядывает свою руку. После долгого отдыха под этой огромной лапищей ладонь кажется меньше. Впрочем, повредить ее он не повредил.

27 Спустя неделю после отъезда поляка в адрес концертного зала на ее имя приходит посылка с немецкими марками.

Дж. М. Кутзее

В посылке компакт-диск — его запись шопеновских ноктюрнов — и приписка по-английски: «Ангелу, который присматривал за мной в Барселоне. Молюсь, чтобы музыка с ней заговорила. Витольд».

28 Нравится ли ей этот мужчина, Витольд? Скорее да. Она испытывает легкое сожаление, что никогда больше его не увидит. Ей по душе его осанка, его гордая поза, когда он сидит. Его предупредительность, серьезность, с которой он ее слушает. «Женщина, задающая глубокомысленные вопросы»: ей по душе, что он это заметил. Также Беатрис забавляет его английский с безукоризненной грамматикой и идиомами не впадет. Что ей не нравится? Много чего. Особенно его зубные протезы, слишком белоснежные и сияющие, слишком ненатуральные.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1 Этой ночью она отлично выспалась. Утром погружается в привычную рутину. Она обещает себе, что найдет время послушать компакт-диск, но потом забывает.

Спустя несколько месяцев приходит мейл. Где он взял ее адрес? «Достопочтенная госпожа, я даю мастер-классы в Жироне, в консерватории Фелипе Педреля. Ваше гостеприимство не забыто. Могу ли я оказать вам ответное? Если вы приедете в Жирону, я с удовольствием отплачу вам за ваше радушие. Готов встретить вас на вокзале в любое время». И подпись: «Ваш друг Витольд с трудной фамилией».

Она отвечает ему: «Дорогой Витольд, друзья в Барселоне с удовольствием вспоминают ваш визит. Благодарю за любезное приглашение. К сожалению, занятость не позволит мне приехать в Жирону. Желаю вам успешно провести мастер-классы. Беатрис».

Она наводит справки. Человек с трудной фамилией не соврал: он дает мастер-классы

в Жироне. Почему именно в Жироне? Он определенно не нуждается в деньгах.

Чем больше она думает о его возвращении в Каталонию, тем более странным оно ей кажется.

Она пишет ему второе письмо: «Почему вы здесь, Витольд? Пожалуйста, будьте честны со мною. У меня нет времени на красивые выдумки. Беатрис».

Она удаляет: «У меня нет времени на красивые выдумки» и отправляет мейл. У нее нет времени не только на выдумки, но и на околичности, игру слов, завуалированные намеки.

Ответ приходит сразу: «Я здесь ради вас. Я не забываю».

2 Весь день она размышляет об этом «ради вас». Что бы ни значили эти слова по-английски — или по-польски, который, вероятно, стоит за его английским, — что они значат на самом деле? Он здесь ради нее, как в пекарню заходишь ради того, чтобы купить хлеб? И как понимать его «здесь»? Что это ему дает, если его «здесь» означает Жирону, а ее «здесь» в Барселоне? Или он здесь ради нее, как человек в церкви ради Господа?

3 В молодости она всегда следовала порывам. Доверяла своему сердцу. «Да», говорило ей сердце. Или «нет». Но (слава богу!) она уже не молода. Она стала мудрее, стала благоразумнее. Видит вещи такими, как они есть.

И что же она видит в поляке? Мужчину на закате карьеры, вынужденного в силу обстоятельств — возможно, финансовых — взяться за работу, согласиться на которую в иные времена он счел бы ниже своего достоинства (консерватория Фелипе Педреля — не самое престижное учебное заведение), мужчину, который, оказавшись в одиночестве в чужом городе, решает затеять интрижку с женщиной, случайно встретившейся ему на пути. Если она согласится, что́ это говорит о ней? Или даже так: что́ это говорит о ней, если этот мужчина считает, что она способна согласиться?

4 Кроме мужа, у нее не было серьезных отношений. Однако Беатрис годами выслушивала признания и откровения подруг. Она также не обольщалась насчет того, как обычно ведут себя мужчины ее круга. Из своих наблюдений она не вынесла ни большого уважения к мужчинам с их потребностями,

ни желания, чтобы волна мужской страсти захлестнула ее с головой.

Беатрис никогда не любила путешествовать. Муж считает ее нелюбопытной. Он ошибается. Она любопытна, даже очень. Но ее интересует не широкий мир и не секс. Так куда же направлено ее любопытство? Ей любопытна она сама. Любопытно, почему, не смотря ни на что, мысль о поездке в Жирону щекочет воображение и вызывает улыбку.

5 Она без труда находит дорогу к консерватории — безликому зданию в старой части города. Коридоры пусты (середина дня). Следуя за знакомой мелодией, она открывает дверь с табличкой «Зал № 1» и оказывается в конце небольшого концертного зала. У рояля на сцене поляк и какой-то юноша. Она бесшумно опускается на сиденье. Студенты числом около тридцати, составляющие аудиторию, не обращают на нее никакого внимания.

Прорабатывается медленная часть второго фортепианного концерта Рахманинова. Юноша исполняет жалобную и тягучую вступительную мелодию. Поляк кладет ему руку на плечо.

Поляк. Часть вторая

— Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-а, — пропевает он, вытягивая последнее «ля». — *No demasiado legato*¹.

Юноша начинает снова, стараясь не увлекаться *legato*.

В широких брюках и рубашке с расстегнутым воротом поляк выглядит более расслабленным, чем ей запомнилось. «Отлично. Надо же, выучил несколько слов по-испански!» Хотя, чтобы преподавать музыку, много слов не надо. *Si. No*².

Она еще не слышала, как он поет. Голос у него неожиданно низкий, текучий, словно темный поток.

6 Однако в этой сцене ее занимает не музыка, а драма. Поскольку эти двое на сцене, поскольку в зале сидят зрители, учителю и ученику волей-неволей приходится играть роли. Как юноша относится к советам, с которыми, возможно, не согласен (вероятно, *legato* ближе его сердцу)? Принимает он точку зрения учителя или бунтует? Или делает вид, что принимает, но внутренне бунтует, обещая себе, что потом, уже без поляка, вер-

¹ Не увлекайтесь легато (исп.).

² Да. Нет (исп.).

нется к первоначальному замыслу? А что поляк? Играет он роль деспота или по-отечески мягкого наставника?

7 Поляк наклоняется и исполняет прерывистые начальные аккорды. Поет голосом кларнета: «Ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-ля-а». Затем вступает правая рука, и Беатрис немедленно слышит разницу. Меньше *legato*, меньше чувства, больше напряжения, подъема.

Юноша повторяет и на этот раз делает все правильно. Какой молодец. Схватывает на лету.

— Продолжайте, — кивает поляк.

8 Урок окончен, студенты расходятся. Она остается в глубине зала. Поляк подходит к ней. Что он ей скажет?

Он берет ее за руку. Благодарит по-английски за то, что приехала. Выражает удовольствие, что снова ее видит. Хвалит ее платье. Его комплименты не нравятся Беатрис. Слишком гладкие, отрепетированные. Впрочем, скорее всего, это его английскому не хватает легкости. Возможно, в Польше он считается весьма обходительным господином.

Она тщательно подбирала одежду. Это значит — одета она строго.

— Мы можем поговорить? — спрашивает Беатрис.

9 Они гуляют по аллее вдоль реки. Стоит погожий осенний день. Падают листья, и все такое.

— Я снова спрошу, — говорит она, — почему вы здесь? Что забыли в Жироне?

— Приходится где-то быть. Нельзя находиться нигде. Это свойственно людям. Но нет, я здесь ради вас.

— Вы так говорите, но что означают ваши слова? Чего вы хотите от меня? Вы же пригласили меня не для того, чтобы я посетила ваш мастер-класс? Хотите, чтобы я с вами переспала? Тогда позвольте сказать сразу: на это не рассчитывайте.

— Не сердитесь, — говорит он. — Пожалуйста.

— Я не сержусь. Я раздражена. У меня нет времени на игры. Вы пригласили меня. Зачем?

Почему она сердится? Ей нужно от него что-то, что он отказывается ей дать?

— Дорогая госпожа, — говорит поляк, — помните поэта Данте Алигьери? За всю жизнь

его Беатрис не обмолвилась с ним ни словом, но он любил ее до конца своих дней.

Дорогая госпожа!

— И поэтому я здесь — чтобы узнать, что вы намерены любить меня до конца своих дней?

— Мне не так уж много осталось, — говорит поляк.

«Бедный глупец, — хочется сказать Беатрис. — Ты пришел слишком поздно, праздник окончен».

Она качает головой.

— Мы чужие друг другу, вы и я, — говорит она. — Мы принадлежим разным мирам, разным реальностям. Вы живете в одном мире с вашим Данте и вашей Беатриче, я — в мире, который привыкла называть реальным.

— Вы даете мне покой, — говорит поляк. — Вы — мой символ мира.

Она, Беатрис, символ мира! В жизни не слыхала подобной ерунды.

10 Они идут дальше. Река медленно несет свои воды, дует легкий ветерок, под ногами расстилается тропинка. Детали, несущественные, но неслучайные. С каждым шагом ее настроение улучшается.

Поляк. Часть вторая

— Когда вы занимались со студентом, вы пели, — говорит она. — Никогда не представляла вас певцом. У вас приятный голос.

— Я певец по материнской линии. По материнской линии музыкант.

Маменькин сынок. Возможно, он ищет материнского тепла?

Время истекает. Либо он выскажется, либо она сядет в машину и вернется домой, и на этом все закончится. Это его выход. Ему придется спеть свою коронную арию — Беатрис этого ждет. На итальянском, испанском, английском, не важно. Хоть бы и на польском.

— Дорогая госпожа, — говорит поляк, — я не поэт. Могу лишь сказать, что с тех пор, как я встретил вас, вы, ваш образ не выходит у меня из головы. Я переезжаю из города в город, из города в город, это моя работа, но вы всегда со мной. Вы охраняете меня. Внутри меня мир. Я говорю себе: я должен найти ее, она — моя судьба. Поэтому я здесь. Как же я рад вас видеть!

Она дарит ему покой. Дарит радость. Так себе ария. А еще ему открылась его судьба, и это она. Но как насчет самой Беатрис? Насчет ее судьбы? Как может сложиться ее судьба? И когда это откроется?

11 У нее нет причин не верить ему, когда поляк говорит, что из-за нее, из-за случайного приглашения в Барселону, он на время обрел мир и радость. Он хранит ее образ в душе, как в давние времена влюбленный носил дорогой его сердцу образ в медальоне на шее. Очень мило. Будь она помоложе, будь он помоложе, ей бы это польстило. Но в устах мужчины, родившего в 1943 году, мужчины, годящегося ей в отцы, предложение, которое он делает, не кажется Беатрис ни забавным, ни лестным. Если хотите, досадным.

— Выслушайте меня, Витольд, — говорит она. — Вы едва меня знаете, поэтому позвольте рассказать вам о себе. Во-первых и в-последних, я замужем. Не вольная женщина, а женщина, у которой есть муж, дети, дом, друзья и всякого рода обязательства: эмоциональные, социальные, практические. В моей жизни нет места для — как бы это сказать? — сердечных дел. Вы говорите, что носите с собой мой образ. Но я не ношу ваш образ с собой. И ничей образ. Это не в моих привычках. Вы посетили Барселону, дали фортепианный концерт, который мы с удовольствием послушали; мы вместе поужинали; но это все. Вы вошли в мою жизнь, вы покинули ее. *Terminado*¹. У нас с вами нет

¹ Кончено (исп.).

будущего. Тяжело так говорить, но это правда. А теперь, думаю, нам пора возвращаться. Уже поздно.

12 — У меня предложение, — говорит поляк.

Они сидят в кафе — ее машина припаркована через дорогу напротив.

— В следующем месяце я отправляюсь в турне по Америке, потом — в Бразилию. Там у меня три концерта. Вы знаете Бразилию? Нет? Не хотите со мной?

— Вы хотите, чтобы я полетела с вами в Бразилию?

— Да. Проведем отпуск вместе. Вы любите море? Проведем отпуск у моря.

Она любит море, любит всем сердцем. Отличная пловчиха, сильная, как тюлень. Сильная и юркая. Но разве дело в этом.

— А что я скажу мужу? — спрашивает она. — Что лечу в Бразилию с мужчиной, которого едва знаю? А вы? Что скажете жене? Вы никогда не говорили: вы женаты?

Он отставляет чашку; руки заметно дрожат. Отчего он так нервничает? Собирается солгать?

— Нет, не женат. Был когда-то, но сейчас нет. Скажите мужу правду. Это всегда самое

лучшее. У него есть связи на стороне. Он свободен, вы свободны.

— Вы меня поражаете. Вы ничего не знаете о моем муже. Какие связи? Никаких связей у него нет. Как и у меня. А на будущее дам вам хороший совет — таким способом вы не уговорите женщину лететь с вами в Бразилию. Может быть, такое работает в Польше, но не здесь. Мне пора. Впереди долгая дорога.

Она встает. Это его последний шанс. Он тоже встает во весь внушительный рост, хватая ее за плечи. За соседним столиком переглядываются: что это, семейная ссора? Она вырывается из его объятий.

— Мне правда пора.

13 На шоссе, неподалеку от поворота на Мальграт, авария: груды покоруженного металла, полицейские машины, «скорая помощь». Она вздрагивает. «А что, если бы это была я? Что сказали бы люди? Что она забыла в Жироне?»

И впрямь, что? Это ненормально: ответить на приглашение мужчины, имя которого она не в состоянии произнести. Слава богу, она вовремя опомнилась! «Полетите со мной в Бразилию?» Что за блажь.

14 Она говорит с мужем.
— Не знаю, помнишь ли ты, несколько месяцев назад у нас выступал один польский пианист. Сейчас он в Жироне, дает мастер-классы в местной консерватории. Он пригласил меня туда.

— Да? И ты поедешь?

— Я была там сегодня. Он хочет, чтобы я полетела с ним в Бразилию. Он в меня влюблен. Так он сказал.

— И ты поедешь?

— Конечно нет. Просто решила тебе рассказать.

Зачем она говорит мужу? Чтобы подвести черту под этой историей. Чтобы совесть была чиста.

— Ты ревнуешь? — спрашивает Беатрис.

— Конечно ревную. Я ревновал бы к любому мужчине, который в тебя влюбится.

На самом деле он не ревнует. Она это видит. Скорее, его это забавляет: забавляет, что другой мужчина хочет обладать тем, что принадлежит ему одному, тем, чем он владеет, не прилагая усилий.

— Ты с ним увидишься? — спрашивает муж.

— Нет, — отвечает она, добавляет: — Это не про секс.

— Конечно не про секс. Ради чего еще он пригласил тебя в Бразилию? Чтобы ты сидела рядом и переворачивала листы партитуры?

15 От поляка приходит длинное письмо, которое она проглядывает по диагонали. «Мир» — ключевое слово. Она приносит ему мир. Мир в противовес чему? Войне? Что он знает о войне, целыми днями просиживая у рояля, витая в облаках?

Впереди маячит слово на букву «Б». Бразилия. Не дочитав, она удаляет письмо.

16 Она не делает проблемы из связей мужа на стороне, причем сознательно. В благодарность он старается не заводить романов с женщинами их круга. Это их способ поладить друг с другом, и до сих пор они справлялись.

17 Еще один мейл от поляка. Сегодня он покидает Жирону и завтра будет проездом в Барселоне по пути в аэропорт, откуда вылетает в Берлин. Не согласится ли

она с ним пообедать? «Простите, нет времени, — пишет она в ответ. — Удачного полета. Беатрис».

18 Она воскрешает из небытия диски Вальчукевича, которые он ей прислал, забирает их домой из маленькой библиотеки Концертного Круга и слушает в одиночестве. Ради чего? Она готова принять идею, что, если мужчина не способен выразить нечто на примитивном английском, возможно, у него получится при помощи искусства?

Начинает она с ноктюрнов. Что говорил Шопен миру, когда их сочинял? Еще важнее: что говорил миру поляк, когда их записывал? И самое важное: что он мог поведать о себе женщине, о существовании которой еще не подозревал?

Как и прежде, она разочарована. Ее вымораживает — как бы это сказать? — его стиль, подход, склад ума. Такой сухой, такой прозаичный! Каждая пьеса извлекалась на свет божий, изучалась и с финальным аккордом сворачивалась и предавалась земле.

Возможно, дело в том, что даже в те времена, когда делалась запись (она сверяется с обложкой: пишут, 2009 год), в душе поляк

был слишком стар для такой музыки, музыки пылких душ.

Это как прикосновение. Она вспоминает, как он рукой коснулся ее ладони в такси, как приложился губами к ее щеке в Жироне. Словно сухая кость. Живой скелет. Она вздрагивает. У нее тоже есть скелет, но, в отличие от его скелета, ее призрачен и неосязаем.

Так вот какой вердикт она ему выносит: слишком сух, недостаточно пылок? Это то, чего она хочет от мужчины, — пылкости? Если бы завтра, ни с того ни с сего, он продемонстрировал пылкость — горячую, истинную страсть, — нашлось бы для нее место в жизни Беатрис? Вряд ли.

19 Из всей записанной поляком музыки особенно ей по душе мазурки. Присоединяясь к своему идолу в этих деревенских танцах, он оживляется. Как странно: она не представляет его танцующим.

20 Возможно, виноват не поляк, не оба поляка — молодой, что давно мертв, и старый, еще живой. Может быть, в этом есть доля вины самой Беатрис. Все, к чему

сейчас лежит ее душа в музыке, это песни и танцы, а вовсе не драма со взлетами и падениями (*Forte! Piano! Forte! Piano!*) и уж точно не философствования. Музыка, занятая поисками утраченного (Малер), заставляет ее зевать. В конце концов, именно поэтому поляк ей не интересен. Шатаясь по миру в поисках собственных утрат, он случайно натывается на нее, Беатрис, и превращает ее в фетиш. «Вы приносите мне мир» — какая чушь! «Я не являюсь ответом на загадку вашей жизни, сеньор Витольд, ни вашей, ни чьей-либо еще! Я такая, какая есть!»

21 Много лет они с мужем не спят в одной постели. Это устраивает обоих. Она любит, приняв горячую ванну, лечь пораньше, ему нравится засиживаться допоздна. Одной ей лучше спится; возможно, ему тоже. Спит она восемь часов, иногда девять. Глубоким, здоровым сном.

Они с мужем больше не близки. Понемногу она привыкает обходиться без секса. Похоже, он ей ни к чему. Климакс еще не наступил, но уже на подходе. Тогда она утратит фертильность, и слабый зов ее тела о единении затихнет навсегда.

22 У ее подруг случаются романы, у нее — нет. У Маргариты связь с известным профессором-антропологом, медийной персоной, женатым мужчиной. Они встречаются в отелях или квартирах сочувствующих коллег.

23 Она была в Аргентине, но ни разу в Бразилии. Беатрис не прочь ее посетить. Кажется, страна довольно интересная. Может быть, ее сын, работающий химиком в агрономической компании, согласится ее сопровождать. Познакомится с бразильской агрокультурой.

24 У нее нет никакого желания лететь в Бразилию в компании польского пианиста. Допустим, она согласилась бы, но как он объяснит ее присутствие бразильскому аналогу ее Концертного Круга? «Это Беатрис, старая приятельница из Барселоны, которая сопровождает меня в туре. Беатрис давно хотела посетить вашу многоликую страну». Или: «Это Беатрис, которую я взял с собой, чтоб она утирала мне лоб и дарила мир». Или: «Это Беатрис, женщину, которую я едва знаю, но вроде бы она является ответом на загадку, ради чего я существую».

25 Влюбленный старик. Какая глупость. К тому же для него это небезопасно.

26 У поляка был шанс, когда в кафе он схватил ее за плечи и приблизил свое лицо, холодные голубые глаза. Это был подходящий момент, чтобы показать себя, преодолеть ее сопротивление. Однако он замешкался и упустил ее.

27 Ей не нравится португальский с его жесткими, сдавленными звуками. Но возможно, бразильцы говорят на нем иначе.

28 Она размышляет о том, каково было бы делить постель с этим громадным костлявым телом, и вздрагивает от отвращения. Его холодные руки на ее теле.

29 Почему именно она? Что же случилось во время того ужина в итальянском ресторане, что заставило его подумать: вот она, моя судьба. «Вот женщина, на ко-

торую я потрачу свою последнюю любовь»? Если бы в тот вечер Маргарита не заболела, влюбился бы он в нее, пригласил бы в Бразилию, чтобы она утирала ему лоб и делила с ним постель?

Мир: это то, чего он, по его словам, желает. Как попавший в шторм мореплаватель молит о земле, так поляк молит о мире. Что ж, Маргарита отнюдь не ангел мира, в чем ему пришлось бы скоро убедиться. Маргарита переодела бы его в одежду помоднее, отвела к своему *esteticista*¹ подправить брови, устраивала бы ему интервью. А что касается секса, сомнительно, чтобы он в его годы сумел бы соответствовать ее высоким меркам.

По правде сказать, возможно, именно поэтому он остановил свой выбор на ней, Беатрис. По роду своей деятельности ему пришлось столкнуться со множеством женщин, подобных Маргарите, энергичных, ярких, ненасытных. В тот вечер, у «Боффини», Беатрис показалась ему воплощением ненавязчивой и нетребовательной, но достаточно импозантной женщины, которая удовлетворяла бы его потребности, не доставляя хлопот. Если так, то это оскорбление!

¹ Косметолог (исп.).

30 Она пишет ему по-английски: «Дорогой Витольд, надеюсь, ваш концерт в Берлине прошел удачно. Я размышляла о нашем последнем разговоре, задаваясь вопросом, откуда, черт возьми, вы взяли, что я воплощаю собой мир? Я не воплощаю ни мира, ни чего другого. Все потому, что вы понятия не имеете, какой я человек. Наши пути пересеклись по чистой случайности. За этим не стояло никакого замысла. Я не „предназначена“ вам, как вы, вероятно, считаете. И никому другому. Никто из нас не может быть кому-то „предназначен“, что бы ни значило это слово. Ваша Беатрис».

31 Между мужчиной и женщиной, между двумя полюсами, электричество либо потрескивает, либо нет. Так было с незапамятных времен. Мужчина и женщина — это не просто мужчина, просто женщина. Без союза «и» нет никакого единения. Между ней и поляком нет никакого «и».

Следующим гостем Концертного Круга будет контртенор Джордж Кирчвей, который исполнит программу из произведений Генделя, Перголези, Филиппа Гласса и некоего Мартынова, о котором Беатрис слышит

впервые. Может быть, именно контртенору предстоит стать ее истинным предназначением, затмив польского самозванца.

32 Она перечитывает письмо, решает, что оно вышло слишком сердитым, и удаляет его. Почему письмо кажется ей сердитым? Она не чувствовала раздражения, когда его писала.

33 Его учитель Шопен был болезненным мужчиной, принимавшим женскую заботу. Возможно, именно этого хочет поляк: сиделку, которая будет присматривать за ним на склоне лет?

34 — Тот пианист с длинным именем, о котором ты мне говорила, — спрашивает муж, — ты приняла решение?

— Какое решение?

— Летишь с ним в Бразилию?

— Конечно нет. С чего ты взял, будто я соглашусь?

— А он об этом знает?

Поляк. Часть вторая

— Разумеется, знает. Я выразилась совершенно определенно.

— Он звонит тебе? Пишет? Вы переписываетесь?

— Переписываемся? Нет. И хватит вопросов. Мы же цивилизованные люди, к тому же давно женаты — этот разговор не кажется тебе странным?

35 Теперь предстоит разгадать две загадки: почему ее мысли постоянно возвращаются к поляку и с чего это муж так на нее взъелся?

Вторая решается просто: муж уловил что-то в воздухе и забеспокоился. Психологически все объяснимо.

Чтобы разгадать первую загадку, психология не поможет. Когда вам чего-то не достает, когда что-то проходит мимо вас, какая это наука? Ее еще не придумали. Тайноведение? Тайнознание?

36 Перед ее мысленным взором возникают два образа Бразилии, два стереотипа: бронзовые тела на ослепительно-белом песке и потные женщины с плачущими младенцами над газовыми плитами в лачугах

с дырявыми крышами. Конечно, это не вся Бразилия. Третья, четвертая, сотая Бразилия ждут своих первооткрывателей.

37 Бразилия не означает кризис ее брака. Ее брак, как никогда, крепок. У Беатрис нет намерения оставлять мужа, а муж будет дураком, если ее бросит. В поляка она не влюблена. В лучшем случае жалеет его: он стар, одинок, оторван от мира, в котором его слишком отстраненные интерпретации Шопена находят все меньше сочувствия. Жалует его, что так на ней зациклился (он может сколько угодно называть это любовью, но она этого делать не станет).

38 Она не представляет себе посещение Бразилии в его компании. Чем бы они занялись после того, как он отыграет Шопена для сливок местного общества? Прогулками вдоль длинных белых пляжей между бронзовеющими телами? Танцами под местные ритмы?

Она любит знакомые вещи. Любит комфорт. Новизна рази новизны — не для Беатрис. Неудивительно, что муж находит ее любопытной.

К примеру, этот Мартынов. Она никогда о нем не слышала, но заранее готова невзлюбить его музыку. Все это так неприятно.

39 С чего вдруг она так критична, представляя себя недалекой и самодовольной, какой-то обывательницей? Что на нее нашло?

40 Беатрис не снятся сны. Она никогда их не видит. Она спит долго, глубоко и без сновидений, а утром просыпается отдохнувшей и обновленной. Благодаря спокойному сну и здоровому образу жизни она, вероятно, доживет лет до ста.

А поскольку снов она не видит, Беатрис дает волю воображению. Она слишком хорошо представляет себе, какой будет эта неделя в Бразилии. В частности, она вполне способна вообразить, как они с поляком переспят. Ей придется притвориться, что она в восторге, ему — что он ей поверил.

«Я отпускаю тебе грехи. — Ей следует сказать ему это прежде, чем они ступят на бразильскую землю. — Я освобождаю тебя от всех эротических обязательств. Ты спишь в своей постели, а я в своей».

Дж. М. Кутзее

41 Она спрашивает себя, ведет ли он дневник. Дневник соблазнителя. Осмелится ли он упомянуть в нем о Беатрис? Неделя, проведенная в Бразилии с некоей дамой из Барселоны, «которая из уважения к ее семье останется неназванной».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

1 Приходит мейл с приложенным аудио-файлом: шопеновской сонатой си минор. «Я записал ее специально для вас. Я не могу выразить по-английски то, что в моем сердце, поэтому говорю языком музыки. Умоляю, послушайте».

Она повинуется. Слушает, с ястребиной зоркостью отмечая нюансы фразировки, интонации, мельчайшие ускорения и замедления — все, что можно истолковать как личное сообщение. Она растеряна, сбита с толку. Эта музыка ничем не отличается от записи «Дойче граммофон», что хранится в библиотеке Концертного Круга. И даже если в присланном файле зашифровано какое-то послание, все равно она не знает кода, чтобы его прочесть.

2 Проходит время. Другой мейл: «В октябре я буду на Майорке на шопеновском фестивале. Возможно, после фестиваля ваш

Круг снова меня пригласит? Искренне на это надеюсь».

Она отвечает: «Дорогой Витольд, благодарю за присланную записку, рада, что вы будете играть на шопеновском фестивале. Увы, программа нашего Концертного Круга сверстана до конца года. Ваша Беатрис».

Через день она снова пишет ему: «Дорогой Витольд, семье моего мужа принадлежит дом рядом с Сольером, неподалеку от Вальдемоссы, где будет проводиться шопеновский фестиваль. Мы с мужем собираемся провести там несколько дней в октябре. Не хотите к нам присоединиться, когда исполните ваши обязательства? Дом просторный, у вас будет отдельное помещение. Дайте мне знать, если надумаете. Ваша Беатрис».

Он отвечает: «Спасибо, спасибо, но я не гоюсь быть другом семьи, Витольд. P.S. „Друг семьи“ — знаменитый польский роман. Люди называют его польским „Вертером“».

Про «Вертера» она слышала, чего нельзя сказать о «Друге семьи». Снова какой-то код? Он же не ждет, что она разыщет этот роман и прочтет его? Что за нелепый человек!

3 Она заводит разговор с мужем:
— Мы еще собираемся в октябре в Сольер?

Поляк. Часть третья

— Да, если хочешь и дом будет свободен.

— Дом будет свободен. Я подумываю пригласить Томаса и Эву с ребенком.

— Отлично! Отлично! Ты все устроишь? Только не дольше недели.

— Я все устрою, но, наверное, останусь после твоего отъезда. Недели слишком мало.

Она не часто прибегает ко лжи. Предпочитает честность. Предпочитает сразу выкладывать карты на стол. Но порой выложить карты на стол — не слишком хорошая идея.

4 Она разговаривает с сыном, Томасом.
— Вряд ли, — говорит он. — Много работы, да и с младенцем в дороге намучаешься.

5 Она заказывает авиабилеты и звонит экономке в Сольер, чтобы та подготовила дом.

Беатрис нравится строить планы, улаживать детали. Если мероприятия Концертного Круга проходят без сучка без задоринки, это благодаря ее усердию и вниманию к мелочам.

6 Она не намерена ехать в Вальдемоссу на его концерт. Пусть сам к ней приезжает.
Заговор. Заговор.

7 Дом на окраине Сольера был куплен в сороковых дедом ее мужа, сколотившим состояние на морских грузоперевозках. В те времена дом был сердцем фермы, но постепенно дед распродал земли, пока не остался только большой дом с пристройками.

В детстве муж проводил в доме каникулы и до сих пор глубоко привязан к этому месту. Привязан-то он привязан, но с годами все реже туда наведывается, и ей невдомек почему. Она и сама любит старый дом с его суровой каменной кладкой, высокими потолками, темными коридорами и тенистым внутренним двором, где буйствуют свинчатка и бугенвиллея, а в центре растет огромный старый инжир.

8 Теперь о совести. Будет ли Беатрис мучить совесть из-за того, что она пригласила сюда поляка? Совесть не мучила ее из-за молодого человека в спортзале, которому в прошлом году она позволила флиртовать с собой и который однажды загнал ее в угол и попытался поцеловать (она подставила шею, не губы). Может быть, дело в месте? Спортзал — нейтральная территория, в то время как Сольер — территория ее мужа и его семьи на протяжении трех поколений.

Поляку за семьдесят, закат жизни. Тому мужчине в спортзале было под тридцать, и у него впереди была целая жизнь, наполненная сексуальными подвигами. Нельзя сравнивать эти случаи. Было бы простительно, если бы муж приревновал ее к молодому человеку, но не к поляку. Мужчина на склоне лет не должен создавать поводов для ревности, нет у него такой власти. И в любом случае спать с ним она не намерена. Если хочет, может разделить с ней домашние хлопоты. Сопроводить в супермаркет и помочь донести покупки. Может вычерпать листья из бассейна. В одной из нежилых комнат есть старое пианино; он мог бы настроить его и сыграть для нее. К концу недели от его романтических мечтаний не останется и следа. Он увидит Беатрис такой, какая она есть. И вернется на родину умудренным и печальным.

9 — Помнишь того польского пианиста, который просил меня полететь с ним в Бразилию? — спрашивает она мужа. — Он будет на Майорке в одно время с нами. Выступит на шопеновском фестивале. Не возражаешь, если я приглашу его на обед?

— Конечно нет. Но не лучше ли вам повидаться наедине?

— Напротив, пусть увидит меня в кругу семьи. Это опустит его на землю. А то у него на мой счет слишком возвышенные представления.

Заговор.

10 Приглашение, которое она ему отправляет, сформулировано очень конкретно. Если он хочет с ней увидеться, то должен прилететь такого-то числа и улететь такого-то. В Вальдемоссе он должен сесть на двести третий автобус. Если он заранее известит ее о времени прибытия, она заберет его на автобусной станции в Сольере. Жить он будет не в главном доме, а в коттедже на территории. Там есть отдельная кухня, если он захочет сам себе готовить. Если нет, он волен питаться вместе с хозяйкой, Беатрис, тем, что приготовит ее экономка. Никто его не побеспокоит.

Это выглядит как приглашение платного постояльца и именно так и было задумано.

11 В назначенное время они с мужем отправляются в Сольер и проводят вместе спокойную неделю. Погода немного прохладная, немного ветреная, но жаловаться

не на что. Дороги пусты, большинство туристов разъехались. Они едут в Баньялбуфар, в Пагуэру, где она долго и с наслаждением плавает. Ужинают в любимом ресторане в Форналутсе.

12 — А что случилось с тем польским музыкантом? — спрашивает муж. — Кажется, он собирался с нами пообедать?

— С датами не сложилось, — отвечает она. — Он освободится только на следующей неделе, а тебя уже тут не будет.

— Какая жалость, — говорит муж. — Я был бы не прочь с ним познакомиться.

Он улыбается. Она улыбается. Им уже случилось переживать трудные времена. Переживут и нынешние.

13 Муж улетает. Поляк прилетает. Она забирает его на автобусной станции на маленьком «судзуки», которым они пользуются в Сольере. С Жироны миновал почти год. Он заметно сдал. Он на самом деле старик.

Разумеется, он постарел. Почему он должен быть защищен от разрушительного воздействия времени? Тем не менее она разочарована, и даже больше — встревожена.

Она гадает, как его принимали в Вальдемоссе. *Призрак из прошлого* — так они подумали? Впрочем, возможно, для кого-то, усаживаясь за рояль, он обретает ауру непререкаемого авторитета?

14 Он целует ее в обе щеки.
— Вы так свежи, так прекрасны, — бормочет он. Губы у него сухие, кожа мягкая, как у младенца: кожа старика.

15 Они молча подъезжают к дому. Дорога на холм в ямах, но она отлично водит, куда лучше многих мужчин. Когда они на острове, муж всегда уступает ей руль. «Теперь я в надежных руках», — говорит он.

16 Она показывает поляку коттедж.
— Осваивайтесь пока, распаковывайте вещи. Когда обед будет готов, Лорето позвонит в колокольчик.

— Благодарствую, — говорит поляк.

«Благодарствую». Что за старинное, книжное слово. Он намекает на что-то еще? *Ave Maria, gratia plena, ora pro nobis*¹.

¹ Радуйся, Мария, благодати полная; молись о нас (лат.) — католическая молитва Богородице.

17 Он является без опоздания. Успел переодеться. На нем сандалии, кремовые брюки и небесно-голубая рубашка. На голове панама, и он готов к тому, что принесет вечер.

Беатрис знакомит его с Лорето. *No habla español*, объясняет она экономке. Он не говорит по-испански. Лорето натянуто улыбается гостю, кивает. *Señor*¹.

Лорето присматривает за их домом и еще за одним, в долине, принадлежащим мексиканцу. Она приезжает и уезжает на мопеде с объемом двигателя в 125 кубов. Ее муж разнорабочий и садовник. У них есть сын и дочь, оба взрослые, оба семейные, оба живут на материке.

Лорето — самая заурядная женщина. Другими словами, все, что Беатрис знает о Лорето, не дает оснований заподозрить в ней что-то особенное, даже ее мопед. Разумеется, у Лорето своя жизнь, невидимая для работодателей, которая вполне может быть полна сюрпризов. В ней даже может оказаться аналог поляка — мужчина, который находит Лорето исполненной благодати и достойной того, чтобы ее добиваться. По чистой случайности эта история не о Лорето и ее муж-

¹ Сеньор (исп.).

чине, а о Беатрис и ее польском воздыхателе. Еще один бросок костей — и история свернула бы к тайной жизни Лорето.

18 — Надеюсь, вы нагуляли аппетит. Лорето приготовила настоящий *тумбет* в старинном духе. Вам случалось такое пробовать? Его подавали в Вальдемоссе? В Каталонии мы зовем похожую овощную запеканку *самфайна*.

Она всегда была умелой хозяйкой, умеющей снять напряжение. Очень важно, чтобы поляк не был напряжен, напротив, чувствовал себя как дома. Чтобы после, когда он уедет, у него остались приятные воспоминания.

— Ваш муж не приехал? — спрашивает поляк.

— Приехал, но ему пришлось вернуться на работу. Он передает вам свои сожаления. Он огорчен, что знакомство не состоялось.

— Ваш муж, он хороший человек?

Какой странный вопрос.

— Думаю, хороший. В наше время нетрудно быть хорошим.

— Вы так считаете?

— Да. Мы живем в счастливые времена. В счастливые времена нетрудно быть хорошим. Вы не согласны?

Поляк. Часть третья

— Я не живу в счастливые времена. Но я стараюсь быть хорошим.

Ей невдомек, как человек по одну сторону стола может жить в счастливые времена, а тот, кто сидит напротив, — нет, но она пропускает его замечание мимо ушей.

— Расскажите мне о вашей дочери, певице. Помнится, вы говорили, что она живет в Германии. Как у нее дела?

— Я покажу вам. — Он достает телефон и демонстрирует фотографию высокой, серьезной девочки-подростка в белом. — Эта старый снимок, из старых времен, но я храню его. Теперь все иначе. Она замужем, живет в Берлине, у них с мужем ресторан, очень успешный, они заработали много денег. Пение? Думаю, это в прошлом. Успешна, да, но не счастлива. Лишена благодати.

Лишена благодати. Порой бывает трудно понять, что хочет сказать этот мужчина на своем несовершенном английском. Претендует он на какую-то глубину или просто подбирает неточные слова, как обезьяна за пишущей машинкой? Люди с большими деньгами несчастны? У нее много денег, и она счастлива, более или менее. У поляка с этими его концертами по всему свету, вероятно, денег куры не клюют, и несчастным он не выглядит. Печальным, возможно, но не жал-

ким. Может быть, он хочет сказать, что его дочь в Берлине не удовлетворена. Такое случается часто. Неудовлетворенность: непонимание того, чего ты действительно хочешь.

— Вы часто видите? Ладите?

Поляк выставляет руки ладонями вперед в жесте, который она не может расшифровать. Там, откуда она родом, он означает: «Смелее, вперед!» — но там, откуда он родом, это может означать нечто совершенно иное, например: «Ничего не поделаешь».

— Мы цивилизованные люди, — говорит поляк. — Но у нее не моя душа. У нее душа матери.

Цивилизованные люди. Как это перевести? Не вцепляемся друг другу в глотку? Не зеваем в лицо? При встрече подставляем щечку для поцелуя? Как бы то ни было, цивилизованность — не та степень близости, которой могут похвастать отец с дочерью.

— К счастью, — замечает она, — у меня с детьми одна душа. Одни склонности. Одна кровь в жилах.

— Это хорошо, — говорит поляк.

— Да, хорошо. Я пригласила старшего присоединиться к нам в Сольере. Он серьезный человек. Вам бы понравился. Увы, он не смог. У них с женой недавно родился ребен-

Поляк. Часть третья

нок, а путешествовать с младенцем хлопотно. Это можно понять.

— Значит, вы стали бабушкой.

— Да. В следующем году мне будет пятьдесят. Вы знали?

— Джентльмен не спрашивает о возрасте дамы.

Он произносит эту фразу совершенно невозмутимо. Неужели он никогда не улыбается? Неужели у него нет чувства юмора?

— Порой, — говорит она, — джентльмен не спрашивает о том, чего не хочет знать о даме. О том, что ему было бы неприятно о ней узнать. Это разрушило бы образ, который он себе создал. Поколебало бы его предрассудки.

Поляк отламывает кусок хлеба, макает в соус, ничего не отвечает. На кухне Лорето моет сковородки, но по тому, как она это делает, можно понять, что она прислушивается. Вероятно, она понимает английский лучше, чем делает вид.

— Вы доели? — спрашивает Беатрис. — Вам хватило? Как насчет кофе?

19 Лорето подает кофе в гостиную с окнами в пол (окна переделал муж), за которыми открывается вид на долину и рощи миндальных деревьев.

— Итак, Витольд, наконец-то вы здесь, на солнечной Майорке, в компании вашей несговорчивой подруги. Вы счастливы?

— Дражайшая госпожа, у меня нет слов. Ни по-английски, ни на каком другом языке. Только благодарность. Благодарность исходит из самого сердца, видите? — Двумя руками он делает странный, неловкий жест, словно открывая грудную клетку и вынимая оттуда содержимое.

— Вижу и верю. Однако ваш грандиозный замысел от меня ускользает — ваш замысел, план. Зачем вы здесь, сейчас, когда вы здесь? Чего хотите от вашей подруги?

— Дорогая госпожа, разве мы не можем вести себя как нормальные люди? Без всякого плана. Нормальному мужчине и нормальной женщине планы ни к чему.

— Неужели? Вы так считаете? Мой опыт говорит об обратном. Нормальные мужчины и женщины часто строят планы относительно друг друга. Лелеют замыслы. Впрочем, давайте притворимся, что никакого плана нет. Тогда скажите, когда вы вернетесь в Польшу и друзья спросят вас: «Ты провел неделю на острове Майорка с подругой. На что это было похоже?» — что вы им ответите? Все нормально, как бывает обычно. Как в Польше, только солнце светило поярче.

Он издает короткий взрывной смешок. Она впервые слышит, как он смеется.

— Вечно вы загоняете меня в угол, — говорит он. — Я не так силен в английском, как вы. Какое слово вы предложите взамен «нормально»?

— Нормально — хорошее слово. Ничего плохого в нем нет.

— «Просто», — говорит он. — Это звучит лучше. Я просто хочу жить рядом с вами. Этого хочет мое сердце. Хочу жить с вами до конца своих дней. Просто жить. Бок о бок. Вот так, — он стискивает руки, — просто жить с вами бок о бок — вот чего я хочу. Вечно. И в следующей жизни, если будет следующая жизнь. Если нет — ладно, я готов это принять. Если вы не согласны жить со мной до конца моих дней, то хотя бы до конца этой недели — и это я приму. Или до конца этого дня. Минуты. Хватит и минуты. Что такое время? Время ничто. У нас есть память, а память не ведает времени. Я буду хранить вас в памяти. И, может быть, вы тоже будете меня помнить.

— Разумеется, я буду вас помнить, невозможный вы человек.

Она произносит эти слова неосознанно, слышит, как их странное эхо отдается в сознании. С какой стати? Как она может обещать

помнить его, когда в глубине души уверена, что история с польским пианистом, посетившим ее в Сольере, со временем будет тускнеть и тускнеть, пока на смертном одре Беатрис от нее не останется и пылинки?

Похоже, этот человек верит в силу памяти. Она могла бы рассказать ему о силе забвения. Как много она еще не забыла! И она нормальная женщина, простая и заурядная, а никакая не особенная.

Что она успела забыть? Да какая разница. Это ушло, исчезло с лица земли, как будто никогда не существовало.

20 Она одергивает себя.
— Может быть, прогуляемся? — спрашивает она. — Вы захватили обувь для ходьбы? К вечеру ветер усиливается, поэтому, если мы хотим прогуляться, лучше выйти сейчас.

Поляк переобувается, и они отправляются на прогулку на гребень холма, откуда открывается вид на город. Ее гость не быстр, но не настолько медлителен, как она опасалась.

— На что похожа Польша? — спрашивает она. — Я никогда там не была, вы же знаете.

— Там не так красиво, как здесь. В Польше хватает хлама. Столетнего хлама. Мы не

Поляк. Часть третья

хороним его. Ни от кого не скрываем. Чтобы любить Польшу, нужно там родиться. Если вы приедете, вам вряд ли понравится моя страна.

— Но вы же любите Польшу.

— Люблю и ненавижу. В этом нет ничего особенного. Многие поляки так чувствуют.

— Ваш учитель — Фредерик Шопен — оставил Польшу и больше туда не вернулся. Вы могли бы поступить как он.

— Да, я мог бы распрощаться с Польшей, купить квартиру в Вальдемоссе и ждать какой-нибудь француженки, какой-нибудь Жорж Санд, уставшей от французских мужчин с их грубым обращением и захотевшей подарить любовь мягкосердечному поляку. Или купить квартиру в Барселоне. Но поскольку это усложнит вам жизнь, я этого не делаю. Ведь усложнит?

Именно, именно так! Ей, безусловно, усложнит жизнь, если этот мужчина будет маячить у ее порога, отбрасывая на Беатрис свою тень.

— Согласна. Поселиться в Барселоне было бы плохой идеей. Для меня — а для вас, возможно, еще хуже.

Но почему он заговорил о Жорж Санд? Что бы ни имелось в виду, эта мысль ей не-

приятна: быть его иностранной любовницей, сиделкой на полставки.

Они добираются до гребня холма. Там останавливаются, разглядывая береговую линию. Влюбленные непременно обнялись бы. Или начали бы целоваться. Но это не для них.

— Как насчет вечера? — спрашивает она. — Хотите куда-то пойти или я сама готовлю ужин? В Сольере есть парочка неплохих ресторанов. Или можем отъехать подальше.

— Эта женщина... Лорета — она не готовит?

— Лорета приходит не каждый день. К тому же ее рабочий день заканчивается в три. Если мы хотим, чтобы она вернулась вечером, нужно специально договариваться.

— Сегодня я хотел бы остаться, а завтра поведу вас в ресторан. Но сегодня мы остаемся, и я помогу вам с готовкой.

— Очень хорошо, остаемся. Я готовлю, но вы мне не помогаете. — Перед мысленным взором Беатрис встает видение: поляк спотыкливо шарахается по кухне, все опрокидывает, путается под ногами. — Я готовлю, а вы пока отдохните. — Все равно что разговаривать с ребенком.

21 На ужин она готовит омлет с зеленью из своего сада и салат. Она полна решимости ничего не усложнять. Если мужчины не хватит, всегда есть хлеб.

В Сольере у них неплохой винный погреб. Пополнением погреба занимается муж. Она пьет немного; поляк побольше.

— У меня есть для вас подарок, — говорит поляк.

Она развязывает ленту, открывает коробочку. Внутри лежит что-то, напоминающее сосновую шишку.

— Это роза, — объясняет он.

Это действительно роза, очень изящно вырезанная из какой-то светлой древесины.

— Очень красиво, — говорит Беатрис.

— Она из дома Шопенов, родителей Фредерика. В Польше есть такой народный промысел. В основном из дерева вырезают алтари. Но родители Фредерика не были религиозными, поэтому ее держали в доме для украшения, вместе с другими цветами. В те времена она была расписана, но за двести лет краска стерлась, и, на мой взгляд, голое дерево смотрится лучше. Не знаю, как оно называется по-английски, по-польски это *świerk*¹.

¹ Ель (пол.).

Значит, ей предстоит стать хранительницей реликвии святого Шопена. Подходит ли она для этой роли, если не верит не только в Шопена, но и в Бога?

— Спасибо, Витольд, — говорит она. — Это прекрасно. Я буду ее беречь. А сейчас хочу пожелать вам спокойной ночи. Я рано ложусь. Это не очень по-испански, но ничего не поделаешь. Боюсь, вам тоже придется уйти. Я должна запереть дом — я не усну, если дом не заперт, — но оставлю снаружи свет. Спокойной ночи. — Она подставляет щеку для поцелуя. — Приятных снов.

22 Обычно она засыпает сразу. Но не сегодня. Не ошиблась ли она, пригласив его в Сольер? «Я хочу жить с вами бок о бок, как две стиснутые руки. И в следующей жизни». Что за сентиментальный бред! «Вы приносите мне мир». А еще эта роза из дома его героя. «Для вас»! Это шутка?

Перед ней зияет пропасть предстоящей недели. Как они проведут это время? Будут гулять? Вести идиотские разговоры? Посещать пляжи и рестораны? Как долго они смогут выносить эту рутину — два воспитанных, вежливых, нормальных человека, — пока

один из них не сорвется? И это вы называете отпуском?

Чего хочет этот мужчина? Чего хочет она, Беатрис?

23 Сейчас день. Они уже позавтракали. — Хочу кое-что вам показать, — говорит она и отводит его в одну из задних комнат, где, сколько Беатрис себя помнит, стоит пианино, накрытое чехлом от пыли.

Она снимает чехол.

— Взгляните, — говорит она. — Оно безнадёжно?

Поляк пожимает плечами.

— Оно старое, испанское, — говорит он. — Испанские пианино не лучшие на свете. — Он играет гамму. Клавиши жесткие и вязкие, молоточек отсутствует, струны расстроены. — У вас есть инструменты?

— Для настройки? Нет.

— Обычные, для автомобиля.

Она показывает ему ящик с инструментами в гараже. Он выбирает гаечный ключ и плоскогубцы и час возится с пианино. Затем садится и играет простую пьеску, которая звучит причудливо из-за щелчков отсутствующего молоточка.

— Простите, что не могу предложить вам ничего лучшего, — говорит она.

— Помните Орфея? У него не было пианино, только арфа, весьма примитивная, но звери приходили его послушать: лев, тигр, лошадь, корова, все они. Конгресс мира.

Орфей. Значит, теперь он Орфей.

24 Они едут в порт и пьют кофе на террасе над гаванью. Она расспрашивает его, как он провел время в Вальдемоссе.

— Зрители были восприимчивы? Оценили ваше исполнение?

— Я играл в старом монастыре. Акустика не очень, но слушатели — да, среди них были серьезные люди.

— Вы любите серьезных людей? А я — серьезная?

Он оглядывает ее с головы до ног.

— По-польски мы называем таких людей тяжелыми, не воздушными. Вы — тяжелая.

Она смеется.

— По-английски говорят «солидный» — солидный, содержательный человек. «Тяжелый» скорее скажут о толстом. Я рада слышать, что вы не считаете меня легковесной, но вы заблуждаетесь насчет моей содержательности.

Она думает: «Если скажешь, что я жидкая, я в тебя поверю». Но этого он не говорит.

«Я жидкая. Если попробуешь меня удержать, я вытеку из твоих ладоней, как вода».

— А вот вы, — говорит она, — вы солидный и основательный. Пожалуй, слишком основательный для Шопена. Вам кто-нибудь раньше такое говорил?

— Многие считают, что Шопен сделан из воздуха, — говорит он. — Я пытаюсь их разубедить.

— В нем много воздуха. А еще больше воды. Проточной воды. Текучая музыка. Как и у Дебюсси.

Он наклоняет голову. Да? Нет? Она не понимает его жестов. Возможно, никогда не поймет. Чужестранец.

— Так я это вижу, — говорит она. — Но что я понимаю? В музыке я профан.

25 Вторую половину дня он проводит, импровизируя на пианино. Поскольку она больше не слышит щелчков, Беатрис решает, что он избегает неисправной клавиши. А находчивости ему не занимать.

Пока он занят, она отваживается зайти в коттедж, на его территорию. В ванной слабый запах одеколона. Она рассеянно изучает

его несессер, аккуратно разложенный на полочке под зеркалом. Бритва. Расческа с ручкой из черного дерева. Помада для волос. Шампунь. Батарея коробочек для пилюль с этикетками по-польски. Человек из другой эпохи. Возможно, все поляки застряли в прошлом? Почему ей так безразлична Польша?

26 Она просит его сыграть для нее.
— Те маленькие пьесы Лютославского, которые вы исполняли в Барселоне.

Он играет первые три, отсутствующая «фа» щелкает.

— Достаточно?

— Да, достаточно. Я просто хотела отдохнуть от Шопена.

27 — После Майорки куда вы направитесь? — спрашивает она.

— У меня концерты в России. Один в Санкт-Петербурге, другой — в Москве.

— Вас знают в России? Простите мое невежество. Наверное, русские вас ценят.

— Никто меня не ценит. Нигде. Это нормально. Я принадлежу к старой гвардии. Я — история. Меня следует выставять в му-

зее, за стеклом. Но я еще жив. «Это чудо, — так я им говорю. — А если не верите, можете меня потрогать».

Она смущена. Кто не верит? Кого он просит себя потрогать? Русских?

— Вы должны собой гордиться, — говорит она. — Не всем дано войти в историю. Некоторые всю жизнь пыжались, пытаясь стать ее частью, но у них не выходит. Вот я, например, никогда не войду в историю

— Но вы и не пытаетесь, — замечает он.

— Нет, не пытаюсь. Я довольна тем, кто я есть.

Чего она не говорит, так это: «Чего ради мне входить в историю? Что мне до нее?»

28 — В городе есть парикмахер? — спрашивает он.

— Несколько. А чего вы хотите? Если просто подстричься, я и сама справлюсь. Я много лет стригла сыновей и знаю в этом толк.

Это своего рода проверка. Насколько он тщеславен, когда дело доходит до его львиной шевелюры.

Оказывается, совершенно не тщеславен.

— Если вы меня подстрижете, это будет величайшим даром, — говорит он.

Она усаживает его на крыльце, обвязав вокруг шеи простыню. От зеркала он отказывается — его вера в нее абсолютна. Во время процедуры поляк сидит, не открывая глаз, с блаженной улыбкой на губах. Возможно, чтобы испытать удовлетворение, ему достаточно прикосновения ее пальцев к его голове? Гладить кого-то по голове — неожиданно интимный акт.

— У вас тонкие волосы, — замечает Беатрис. — Больше похожи на женские, чем на мужские.

Чего она ему не говорит, так это что на макушке он начинает лысеть. Возможно, он и сам знает.

В последние недели и месяцы жизни за ее отцом присматривала сиделка. Однако часто именно ее, Беатрис, звали ей на помощь. Она не была готова к такой роли, но, к собственному удивлению, справлялась вполне достойно. Если поляк сляжет прямо сейчас, она сумеет за ним присмотреть. Более того, сочтет это совершенно естественным. А вот то, что он оказался на ее пороге не как старик, нуждающийся в уходе, а как потенциальный любовник, куда менее естественно.

29 — Вы никогда не упоминаете о своем браке, — говорит она. — Он был счастливым?

— Мой брак остался в прошлом. Вместе с коммунистической Польшей. Мы развелись в семьдесят восьмом. Это уже история.

— То, что ваш брак стал историей, его не отменяет. Память не ведает времени, сами говорили. У вас должны остаться воспоминания.

Поляк улыбается одной из своих тайных улыбочек.

— Некоторые помнят хорошее, некоторые плохое. Мы сами решаем, какие воспоминания хранить. А бывают такие воспоминания, которые прячем в подполье. Так, кажется, говорят?

— Так говорят. Подполье. Кладбище плохих воспоминаний. Какой была ваша жена? Как ее звали?

— Ее имя Малгожата, но все звали ее Гойсей. Она была учительницей. Преподавала английский и немецкий. С ее помощью я усовершенствовал свой английский.

— У вас осталась ее фотография?

— Нет.

Разумеется. С какой стати?

Он не спрашивает Беатрис о ее браке и связанных с ним воспоминаниях, плохих

или хороших. Не спрашивает, носит ли она с собой повсюду фотографию мужа. Он ни о чем ее не спрашивает. Совершенно нелюбопытен.

30 Это один из самых откровенных разговоров. Когда они вдвоем, по большей части они молчат. Она вовсе не молчалива — с друзьями Беатрис может быть говорливой и оживленной, — но своим присутствием поляк словно вымораживает любое легкомыслие. Она говорит себе, что дело, очевидно, в языке: будь она полькой или он испанцем, они общались бы куда живее, как любая нормальная пара. Но тогда он был бы совершенно другим человеком, а она — другой женщиной. Они те, кто они есть, — взрослые, воспитанные люди.

31 В Фоналутсе она ведет его обедать — не в тот крошечный ресторанчик, куда ходят они с мужем, а ресторан при отеле, который сто лет назад был резиденцией какого-то местного вельможи. Внутренний дворик открыт небесам: птицы расхаживают между столиками или плещутся в фонтане.

Здесь никому нет дела до Беатрис и ее спутника и никто не выказывает к ним никакого интереса. Они свободны и ни перед кем не обязаны отчитываться.

Она выходит в дамскую комнату. Выйдя из тени, останавливается на пороге в ожидании, пока он ее заметит, затем пробирается обратно между столиками. Он не сводит с нее глаз, как и двое официантов.

Она сознает, какое впечатление производит. Благодать; не такая уж древняя концепция. В Польше или в России, думает Беатрис, он заново переживает это мгновение, когда к нему приблизилось видение воплощенной благодати. Он подумает: «Чем мы заслужили все это, посетители, официанты, все мы? Благодать, которая нисходит с небес, проливая на нас свое сияние».

32 Это их третий совместный день в доме. Лорето, закончив дела, уходит домой. Она, Беатрис, пытается читать, но слишком рассеянна. Время стоит на месте. Она хочет, чтобы это случилось.

Стемнело, и Беатрис стучится в дверь котеджа.

— Витольд? Я приготовила нам поесть.

Они едят в молчании. Затем она говорит:

— Я в ванную, а потом спать. Заднюю дверь оставлю открытой. Если почувствуете себя одиноко и захотите кого-нибудь навесить, не стесняйтесь.

Больше она ничего не говорит. Она не собирается это обсуждать.

Беатрис чистит зубы, умывается, причесывается, разглядывает себя в зеркале. В фильмах и книгах женщины часто так делают, но она не в фильме и не в книге, да это и не она смотрится в зеркало. Напротив, это на нее смотрит та, что за стеклом, та, которой она позволяет себя разглядывать. И что же она видит?

Громадным усилием воли она пытается проникнуть сквозь стекло, вселиться в это чужое «я», в этот чужой взгляд. Ничего не выходит.

Беатрис надевает черную сорочку, раздвигает шторы, выключает лампу. Внутрь льется лунный свет. Она по-прежнему привлекательна: есть на что посмотреть. «Удивительно, как ты хорошо сохранилась, — говорит ей Маргарита. — Двое детей, а фигура как у восемнадцатилетней!» Пусть ценит свою удачу. Интересно, что сказали бы эти самые дети, если бы увидели ее сейчас? «Мама, как ты могла!»

Она слышит, как задняя дверь открывается, слышит его шаги, как он входит в спальню, молча раздевается; Беатрис отводит глаза. Она чувствует, что его тело вытягивается вдоль ее тела, чувствует его выпуклую грудь, густую, словно циновка, поросль на груди. «Какой, однако, медведь! — думает она. — Во что я ввязалась? Слишком поздно: пути назад нет».

Она, как умеет, помогает ему. У нее никогда не было старика, но нетрудно догадаться, какие трудности старики испытывают в постели. Это странное переживание и не на шутку пугающее, когда на тебя наваливается такой вес, но это длится недолго.

— Что ж, теперь ты меня получил, — говорит она. — Получил свою милостивую госпoжу. Ты наконец-то доволен?

— Мое сердце переполнено, — говорит он, прижимает к груди ладонь.

Она ощущает смутное биение его сердца: тук-тук-тук, быстрее, чем ее ровно стучащее сердце, — по правде сказать, пугающе быстрое. Только трупа в постели ей и не хватало.

— В отличие от пустоты в сердце, я не знаю, как ощущается, когда сердце переполнено, — говорит она. — Тебе следует быть осторожнее. Ты слышишь? Ты меня понимаешь?

— Я слышу тебя, *cariño*¹.

Cariño. И где только, черт возьми, он это подцепил?

33 Она не собирается до утра делить постель с этим здоровенным мужиком.

— А теперь мне нужно поспать, — говорит она, — а ты возвращайся к себе. Увидимся утром. Спокойной ночи, Витольд. Хороших снов.

Она наблюдает за его смутной тенью, пока он одевается. Проблеск света, когда он открывает дверь, и он уходит.

Им остается переночевать в Сольере еще три раза. Уж не думает ли он, что она проведет с ним все эти ночи? На Беатрис накатывает волна усталости. Ей хочется в Барселону, в свою постель, свою жизнь, без всех этих сложностей. А больше всего на свете ей хочется спать.

34 Утром она особенно тщательно красится и выбирает одежду. К тому времени, как Беатрис появляется на кухне, поляк заканчивает свой завтрак. Она подставляет ему щеку для поцелуя.

¹ Дорогая (*исп.*).

— Хорошо спал? — спрашивает она. Он кивает.

Беатрис разглядывает его поверх миски с фруктами. Каким он выглядит? Главным образом смущенным. Вероятно, тоже до утра не сомкнул глаз.

«Ты сама во всем виновата», — упрекает себя Беатрис. Двое незнакомцев, припавшие друг к другу во тьме, совершают то, к чему оба не были готовы. Актеры. Исполнители. «Ты думала, выйдешь сухой из воды, думала, обойдется без последствий, но ты ошибалась, как же ты ошибалась».

— Не хочешь поплавать? — предлагает она. — У тебя есть плавки? Нет? Можем купить в Сольере, если пожелаешь.

Они заходят в магазин. На его размер у них есть лишь плавки желтого цвета.

Довольно рано. На ее любимом пляже еще не видно семейных компаний, только серьезные пловцы.

Это странное переживание для обоих, еще пару часов назад лежавших голышом в одной постели, видеть друг друга полуобнаженными в ярком солнечном свете. Что видит она? Какие длинные и тонкие у него ноги. Она надеется, он не заметит расходящихся голубых жилок на внутренней стороне ее бедер.

«Ты несешь мне мир». Сражение потных тел. Для мужчины шок не меньший, чем для женщины. После этой дуэли для почитания и обожания места не остается. Обожание пакует вещи.

Вместе зайдя в воду, они расстаются. Он застревает на мелководье, она уплывает на глубину.

Одна в море: какое глубокое облегчение! Она могла бы нырнуть, обратиться дельфином и почувствовать, как смывает с себя всю эту канитель, которую сама же и развела. Что за глупая идея — пригласить чужого мужчину в дом, где прошло детство ее мужа!

35 Они возвращаются.
— Я хочу поговорить с тобой о Лорето, — произносит она. — Она женщина, и у нее женский глаз. Нет смысла скрывать от нее, что между нами происходит. И все же мы не должны вести себя развязно. Ты меня понимаешь? Мы не можем оскорбить ее, совершая адюльтер — потому что это именно он и есть, это так называется — у нее перед глазами. У Лорето есть гордость. Она уйдет и не вернется. А я буду унижена.

— Я понимаю, — говорит он. — Мы не ведем себя как любовники.

Поляк. Часть третья

— Это так. Мы не ведем себя как любовники.

— Я был твоим любовником с того самого дня, как мы встретились, и никто об этом не знает. Никто на свете не сумеет сохранить эту тайну лучше меня.

— Если ты действительно так думаешь, ты глупец. Я вижу тебя насквозь. Лорето видит тебя насквозь. Да любая женщина видит тебя насквозь. Я не прошу тебя хранить тайну, я прошу только сохранения благопристойности. Ты можешь отнестись к этому с уважением?

Поляк кивает.

— Поэт Данте был возлюбленным Беатриче, и никто об этом не знал.

— Чушь. Беатриче знала. И все ее подружки. И хихикали над ними, как все девочки. Ты действительно воображаешь себя Данте, Витольд?

— Нет, я не Данте. Не избранный. Слова — не мой конек.

36 После обеда они отправляются на прогулку по тому же маршруту, на гребень холма.

— Расскажи еще про свою дочь, — просит она. — Она похожа на тебя или на твою жену?

— Будь она похожа на меня, это была бы катастрофа. Нет, она похожа на свою мать.

— А по характеру? В своих увлечениях она больше похожа на мать или на отца?

— Да? Нет? Не могу сказать. Дочери не знакомят отцов со своими увлечениями.

Она пропускает это мимо ушей. Увлечениями? Интересно, как он понимает это слово? Страстные объятия летней ночью?

Все их разговоры похожи на этот: они обмениваются монетами в темноте, не догадываясь об их истинном номинале.

Иногда ей кажется, что он не вслушивается в то, что именно она говорит, только в тембр ее голоса, как если бы она пела, а не говорила. Она не в восторге от собственного голоса — слишком низкий и тихий, — но, кажется, он им упивается. Она для него совершенство.

Есть что-то противоестественное в том, чтобы любить, не ожидая ответного чувства.

Почему она с ним? Почему притащила его сюда? Что в нем привлекает Беатрис, если хоть что-то привлекает? Ответ прост: его неподдельное восхищение. Когда она входит в комнату, его суровое лицо озаряется. Во взгляде, которым он окидывает ее, есть доля мужского желания, но, по сути, это взгляд

обожания, он словно ослеплен и не может поверить своей удаче. Ей нравится подставлять себя этому взгляду.

Кажется, она начинает ценить его руки. Ее забавляет мысль, что он зарабатывает на жизнь руками.

Впрочем, некоторые его особенности раздражают Беатрис: его скованность, отстраненность и сильнее всего его напыщенная манера выражаться. Во всем, что он говорит, что делает, есть какая-то высокопарность. Даже в ее объятиях он не может расслабиться. Комичное зрелище — они любят друг друга на английском, языке, чьи эротические красоты для обоих — закрытая книга.

Не слишком ли она к нему строга? Ей не хватает нежности? Что, если каждый из нас рождается с отмеренной долей нежности и она успела потратить свою на мужа и детей, ничего не оставив запоздалому любовнику?

Если она его не любит, как назвать чувство, которое она испытывает, — чувство, которое увело ее на эту скользкую тропинку?

Если бы ей пришлось его описывать, она назвала бы это чувство жалостью. Он влюбился в нее, и она сжалилась над ним и из жалости дала ему то, в чем он нуждался. Вот как это вышло; вот в чем ее ошибка.

37 Звонит муж.

— Как продвигаются дела с твоим другом-музыкантом?

— Неплохо. Вчера он приехал на автобусе из Вальдемоссы. Починил пианино в задней комнате, насколько его можно было починить, что нам на руку. Днем провезу его по острову. А завтра он уезжает.

— И как он в общении?

— В общении? Мы отлично поладили. Он немного *arisco*¹, немного суров, но я не обращаю внимания.

Она не привыкла лгать, но оказывается, по телефону это не так уж сложно. Да и было бы что скрывать. Все равно это ничем не кончится. Что бы ни случилось здесь, в Сольере, скоро все станет прошлым и быстро забудется.

38 В оставшиеся три ночи поляк приходит к ней в спальню. Она вспоминает миф о гречанке, испугавшейся, что чужестранец, который делил с ней постель, окажется чудовищем. Героиня зажигает лампу и обнаруживает, что это бог. Ей, Беатрис, лампа ни к чему. Чужестранец в ее постели определенно не чудовище, но и не бог.

¹ Угрюмый (исп.).

Зачем той девушке понадобилось смотреть на него? Неужели веса, сокрушительного давления мужского тела было недостаточно?

Шок новизны. Яркий, словно тебя ударило током, а не темный, как будто унесло лавиной и погребло под слоем грязи.

Во вторую ночь из забытого прошлого возникает восхитительное чувство падения. Беатрис думала, оно уже не вернется, его можно испытать только в юности или даже в детстве: ты летишь с водяной горки, переполненный радостным ужасом, воля отключается, унесенная мимолетным переживанием.

Что еще она помнит? Его пальцы на своей коже, извлекающие музыку. Касания музыканта.

Порой, пока он ласкает ее, мысли Беатрис лениво скользят к покупкам, о которых нужно напомнить Лорето, или к пропущенной записи у дантиста.

Он справляется, но силы уже не те. Каким бы решительным ни был его дух, то, как он занимается любовью, выдает немощь его физического тела, нехватку жизненной энергии. Он из последних сил пытается это скрыть и всякий раз, вставая с постели, благодарит ее: «Спасибо, от всего сердца». В такие минуты ее собственное сердце переполняется

жалостью, если не любовью. Нелегко быть мужчиной.

Она не может заставить себя приласкать его. Она видит, что он это сознает, ее нежелание, физическую неприязнь. Это сквозит в его ритуальных словах, когда он благодарит ее. Спасибо, мол, что снизошла до меня.

Она должна чувствовать вину. Нельзя ложиться в постель с мужчиной, которого не хочешь. Но она ее не чувствует. «Довольно и того, что я даю, — говорит она себе, — к тому же это не навсегда».

39 — Бе-ат-рис, — шепчет он ей в ухо, — я умру с твоим именем на губах.

40 Она лежит в его объятиях. Это их последняя ночь вместе. Она произносит: — Мне нелегко это говорить, Витольд, но сегодня мы расстанемся. Мы больше не должны видеться. Это слишком усложняет мне жизнь. Я не стану объясняться. Просто прими это.

Она радуется темноте. Ей не нравится причинять людям боль; она не хочет видеть на его лице страдальческую гримасу.

— Не думай обо мне плохо, прошу тебя. Автобус до Вальдемоссы уходит в восемь пятнадцать. Я отвезу тебя на станцию.

Она заранее отрепетировала свою речь, поэтому искусственность момента вполне объяснима. Она словно стоит снаружи или нависает над головами, слушая голос женщины, наблюдая за реакцией мужчины.

Мужчина реагирует, ослабляя объятия, — всего мгновения назад они согревали ее, теперь холодеют; реагирует тем, что отворачивается от нее, встает, тянется за одеждой. Реагирует тем, что находит дорогу к двери (слегка спотыкаясь в темноте) и выходит; если прислушаться, она могла бы различить щелчок закрывающейся кухонной двери.

Она позволяет себе выдохнуть. Ее несказанно радует, что его реакцией были не гнев и не уязвленная гордость и что он не стал унижаться. Если бы он принялся умолять ее, Беатрис отвернулась бы от него навсегда.

41 Он умоляет, в самом конце, по дороге к автобусу.

— После гастролей в России мы могли бы полететь в Бразилию, — говорит поляк. — В Бразилии ты бы плавала в море.

— Нет, — отвечает она. — Я не собираюсь ездить за тобой по миру — ни с тобой, ни с любым другим. Нет.

Они подъезжают к автобусной станции.

— Я ждать не буду, — говорит она. — Прощай.

Она целует его в губы. Затем уезжает.

42 Вернувшись, она проверяет коттедж. Он не оставил после себя никаких следов, никаких физических следов своего присутствия. Отличный гость.

43 — *¿El señor vuelve?* — спрашивает Лорето.

— *No, el señor ha sido llamado de Vuelta a su tierra natal. A Polonia. No volverá*¹. Господин не вернется.

44 До конца дня она медленно, спокойно и обдуманно занимается делами. Она признает, что все еще находится в состоянии шока, с тех самых пор, как поляк переступил порог ее спальни. Если она сохранит спокойствие и позволит времени сделать свое дело, это состояние — которое представляется Беатрис простыней, обмотанной вокруг ее тела

¹ — Господин вернется? — Нет, господину пришлось вернуться на родину. В Польшу. Господин не вернется (*исп.*).

так туго, что она едва может дышать, — ослабевает и ее жизнь снова войдет в привычную колею.

Простыня, или ложе, как в греческом мифе, — кровать, на которой твои конечности дробят до тех пор, пока не начнешь соответствовать чужому представлению.

Это же можно отнести и к поляку. С его несуразно длинными ногами и большими руками он также корчится и извивается на подобном ложе.

45 За те дни, что остаются до вылета в Барселону, у нее еще есть время, чтобы привести мысли в порядок, придумать заново историю, которую она собирается рассказывать самой себе и которая станет ее историей. Это была короткая связь, решает Беатрис. Интрижка с заезжим музыкантом (она использует английское слово: «fling»), не без приятности, но теперь все кончено. Если проныцательная Маргарита ее заподозрит («У тебя кто-то был! Я же вижу!»), она не станет отпираться. «Это тот польский пианист, которого ты пригласила в Барселону, помнишь? Он выступал на шопеновском фестивале. Он свободен, я свободна, мы провели вместе несколько дней. Ничего серьезного. Уверена, для него это не впервой».

Дж. М. Кутзее

Она готова допустить, что ее история будет неполной и в некоторых аспектах недостоверной. Но, заглянув к себе в душу, не находит никакого темного осадка: ни сожалений, ни печали, ни тоски — ничего, что омрачило бы будущее.

Ничего серьезного. Можно ли считать любовь состоянием нашего ума или нашего бытия, явлением, образом, неумолимо отступающим в прошлое, на задворки истории, даже стоя у нас перед глазами? Поляк любил ее, по-настоящему — и, вероятно, любит до сих пор, — но он и сам пережиток истории, эпохи, когда, чтобы воплотить желание в реальность, его требовалось разбавить каплей недоступности. При чем тут Беатрис, его возлюбленная? Уж ее-то никак нельзя назвать недоступной. Напротив, слишком доступной. «Приходи навестить меня в моем доме. Приходи навестить меня в моей постели». И если в самом конце ей удалось избавиться от клейма легкодоступной женщины, то лишь благодаря тому, что она дала отставку поляку, который, несомненно, в эту самую минуту сочиняет собственную историю о жестокой испанской любовнице, оставившей на сердце шрам, который будет не так-то легко залечить.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

1 Какое-то время по возвращении в Барселону она продолжает пребывать в состоянии легкого шока. Ее удивляет, что происшедшее на Майорке оставило такой длинный след, — словно бомба, которая взорвалась, не причинив вреда, но тем не менее крепко тебя оглушила.

Состояние шока не мешает Беатрис вернуться к активной деятельности. Ее выбрали в комитет по финансированию подающих надежды молодых музыкантов; она часами не отходит от телефона. А еще остается Концертный Круг, сокращающийся по мере того, как завсегдатаи стареют или впадают в дряхлость. Томас Лесински умер; его жена Эстер собирается переехать к дочери во Францию. Грант, который Круг получает от города, вот-вот урежут наполовину («финансовые трудности»): им придется сократить количество концертов с десяти до шести в год.

По поляку она не скучает, ни в коей мере. Он пишет ей. Она стирает его письма, не читая.

2 В октябре 2019 года, когда она заходит в концертный зал Момпоу, секретарша говорит ей, что кто-то из Германии разыскивает ее по телефону.

— Это насчет музыканта, который когда-то здесь играл, фамилию я не расслышала, но похожа на русскую. Та женщина оставила номер.

Беатрис звонит и слышит записанное сообщение по-немецки. Она оставляет по-английски свое имя.

Ей перезванивают.

— Это Эва Рейхарт, дочь Витольда Вальчукевича, он умер, возможно, вы слышали?

— Нет, не слышала. Какая жалость. Примите мои соболезнования.

— Он долго болел.

— Я ничего об этом не знала. Боюсь, какое-то время назад я потеряла связь с вашим отцом. Его не забудут. Он был великим пианистом.

— Да. Он кое-что для вас оставил.

— О! Что именно?

— Я не видела. Вещи все еще в Варшаве, в его квартире. Вы там бывали?

— Я никогда не была в Варшаве, миссис Рейхарт, Ева. Я никогда не была в Польше. Вы уверены, что вам нужна именно я?

— Я звонила по этому номеру, а теперь вы мне перезвонили — значит, это вы, разве нет?

— Понимаю. Вы не могли бы переслать мне эти вещи?

— Я в Берлине и не могу ничего переслать. Я дам вам имя его соседки в Варшаве, договаривайтесь с нею. Ее зовут пани Яблонская, она давняя приятельница отца. Вещи для вас она сложила в коробку и надписала ваше имя. Вам следует поторопиться. Мне осталось только получить документы от нотариуса, и я продаю квартиру. Не знаю, возможно, все это не слишком важно для вас, решайте сами. Но повторяю, пожалуйста, вам лучше поторопиться. В Варшаве есть *wohltätige Organisation*¹, не знаю, как сказать по-английски: я договорилась, что они вывезут вещи из квартиры и уберутся там, они таким занимаются. Поэтому, если вам нужны эти вещи, свяжитесь с пани Яблонской.

¹ Благотворительная организация (нем.).

Она диктует варшавский адрес и номер телефона.

— Спасибо. Я свяжусь с пани Яблонской и посмотрю, что можно сделать. Вы не знаете, что это может быть?

— Не знаю. Отец не делился со мной своими тайнами. Пани Яблонская не говорит по-английски, поэтому, когда будете звонить, вам потребуется переводчик.

— Спасибо. Спасибо, что дали мне знать. До свидания.

Тайны. Выходит, она одна из его тайн: барселонская. Сколько еще тайн он оставил после себя по всему миру?

3 Она звонит в курьерскую компанию. Да, они работают с Польшей, они работают по всей Европе. Могут забрать посылку по адресу в Варшаве. Из чего состоит груз? Коробка? Большая коробка? Маленькая? За предмет меньше пяти килограммов доставка «от двери до двери» обойдется в сто восемьдесят евро плюс таможенные пошлины, в зависимости от вещей, которые находятся внутри. А что там, кстати? Фотографии? Компакт-диски? Старые компакт-диски? Как правило, внутри Евросоюза пош-

лины на такие товары не взимаются. Что-то еще?

Сначала я договорюсь о том, как забрать посылку, отвечает она, и после перезвоню.

4 Один из скрипачей камерного оркестра концертного зала Момпоу — русский. Она перехватывает его после репетиции.

— Вы не уделите мне минуту? Мне нужно передать сообщение одной женщине в Польше. У меня есть ее номер. Если я ее наберу, вы не могли бы сказать, что в пятницу курьер заберет у нее посылку. Вы мне поможете?

— Я не говорю по-польски, — отвечает скрипач. — Польский и русский — разные языки.

— Я понимаю, но это пожилая дама, давно живет на свете и может знать немного русского, да и сообщение очень простое.

— Заговорить с поляком по-русски — это вроде оскорбления, но ради вас я попробую. Курьер приедет в пятницу?

— Курьер приедет в пятницу, она должна отдать ему коробку. — Беатрис набирает номер пани Яблонской и передает скрипачу телефон.

Ответа нет.

— Напишите текст по-русски, а я его отошлю. Текст такой: «Добрый день, пани Яблонская. Меня зовут Беатрис, я подруга пана Витольда. Курьер придет в пятницу. Пожалуйста, отдайте ему коробку».

— Я напишу латинскими буквами, — говорит скрипач.

Он пишет: «Dobri den, Pani Jablonska. Menya zovut Beatriz, ya drug... Впишите его имя... Kuryer priyedet v pyatnitsu. Razhaluysta, otdayte korobku kuryeru».

— Это не слишком хороший русский, но, возможно, польская дама поймет. Мне пора. Потом расскажите, получилось ли. — И он поспешно уходит.

Ответа на сообщение нет. На следующее утро с бумажкой наготове, готовая прочесть текст, Беатрис звонит пани Яблонской. И снова нет ответа. Она звонит каждый час, с утра до ночи, но безуспешно.

5 Что мог оставить ей поляк? И чем бы это ни было, стоит ли оно таких хлопот? Хочет, чтобы она прослушала другие его шопеновские записи?

Перед ней лежит будущее, а поляк пытается тянуть ее назад. Он высовывает из мо-

гилы длинную клешню, чтобы утащить ее в прошлое. Что ж, она не обязана подчиняться. Возьмет да и отцепит коготь. Курьеру скажет: «Отмените заказ». Дочери: «Все это слишком хлопотно, изъясняться на русской тарабарщине с пани Яблонской, которая все равно ничего не поймет. Поэтому дерзайте, вычистите отцовскую квартиру, продайте вещи, избавьтесь от всего». Мужчине в могиле: «У тебя нет надо мной власти. Ты умер. Возможно, для тебя это новое переживание, но ты свыкнешься. Не такая уж редкая судьба — умереть и быть забытым».

6 Она перезванивает его дочери, Еве.
— Я связалась с курьерской компанией. Они без проблем заберут коробку. Проблема в пани Яблонской. Она не отвечает на мои звонки. Может быть, с ней что-то случилось? Кто-то еще может передать курьеру коробку?

— Есть *Agentur*¹, они продают квартиру, ключи у них. Вы же можете позвонить им и все объяснить?

— Что объяснить, Ева? — Беатрис не в силах скрыть раздражение в голосе.

¹ Агентство (нем.).

На заднем плане слышен шум.

— *Ich komme!*¹ — кричит Ева. — Я должна идти. Я пришлю вам номер, и вы сами сможете все объяснить. До свидания.

Объяснить что?

7 Она совсем не ожидала, что квартира окажется такой. Начать с того, что это не сама Варшава, а дальний пригород. От места, где ее высадил таксист, Беатрис нужно пересечь автостоянку и детскую площадку, где двое мальчишек гоняют на велосипедах, а маленькая белая собачка носится за ними, тявкая и пытаясь прокусить шину. Сам многоквартирный дом совершенно безликий, построен по тому же унылому проекту, как новостройки в рабочих районах Барселоны. Почему он выбрал жить именно здесь?

Она приехала заранее, поэтому обходит район. С балкона старуха в черном с подозрением разглядывает Беатрис. Сейчас октябрь; деревья — клены? — сбрасывают листья.

В вестибюле она встречается с агентом, высоким молодым человеком в дурно сшитом костюме. Они пожимают друг другу руки; его английский в зачаточном состоянии.

¹ Иду! (нем.)

— Спасибо, что пришли, — говорит она. — Вы должны знать, я не собираюсь покупать квартиру, просто хочу кое-что забрать. Я займу не больше минуты вашего времени.

Он не двигается с места. Не понимает?

— Вы откроете мне дверь. — Она вращает ладонью: ключ поворачивается в замке. — Я заберу коробку. Потом мы уйдем. И вы свободны. Хорошо?

— Хорошо, — говорит он.

С ключом проблема. Ключ на связке с маркировкой 2-30 — агент показывает ей ярлычок с номером квартиры — не входит в замочную скважину. Он беспомощно пожимает плечами. Что, мол, я могу сделать?

Она забирает у него связку, пробует другой ключ. Дверь открывается.

— Вот видите, — говорит она.

Она входит, агент следует за ней.

Беатрис ожидала увидеть мебель красного дерева, полумрак, пыль, скрипучие книжные шкафы, пауков по углам. На деле, если не считать картонных коробок в углу и четырех пластиковых стульев, составленных один в один, гостиная пуста и — поскольку шторы отдернуты — залита солнечным светом.

Она заглядывает в крохотную кухню, в ванную с пожелтевшей от времени пластиковой занавеской.

— Вы уверены, это та самая квартира? — спрашивает она.

Агент снова показывает ей ключ, 2-30 — ключ, который не подходит к замку.

Беатрис приходит в голову, что все это может быть шуткой, злобным розыгрышем: не только другая квартира, но и другой дом, другой район, возможно, другое агентство. Провернуть такое под силу только Еве. Из вредности отправить Беатрис в бессмысленное путешествие. *Кто она такая, эта Беатрис? Одна из многочисленных подружек моего отца.*

Однако Беатрис ошибается. Никакого розыгрыша. Вторая комната изрядно захламлена. Односпальная кровать, два комода, вешалка с мужской одеждой, гладильный столик с пластмассовым подсолнухом в вазе, зеркало в резной позолоченной раме, объемный письменный стол с выдвижной крышкой, на котором стоит массивная пишущая машинка.

Есть еще третья комната с отдельной кухней и ванной. В комнате только рояль. На одной стене в рамке висит реклама концерта в Уигмор-холле, датированного 1991 годом, с портретом одного из молодых «я» поляка, рассеянно смотрящего вдаль. На крышке рояля: черно-белый снимок не улыбающегося юного

Витольда, получающего награду из рук мужчины во фраке; гипсовый бюст Баха; более поздняя фотография, на которой он стоит, сцепив руки, в окружении толпы разодетых женщин, среди которых Беатрис с удивлением узнает себя. Сестринство Концертного Круга в 2015 году, нет только Маргариты! Она ни разу не видела этой фотографии. Где он ее раздобыл?

— Смотрите! — показывает она.

Агент по недвижимости всматривается через ее плечо.

— Это вы, — говорит он.

— Да, — подтверждает она, — это я.

А кто ж еще? Год за годом ее образ, неведомо для нее, изливал свет на этот хмурый квартал в чужом городе.

Но где же коробка, драгоценная коробка, которую приготовила для нее неуловимая пани Яблонская и ради которой она пересекла половину Европы?

На картонных коробках в гостиной — их штук двадцать — ярлыки, которые она не может разобрать.

— Вы мне не поможете? — обращается она к молодому человеку. — Не проверите, что в этих коробках?

Агент снимает пиджак и приступает к делу.

— Это... это... и это — книги. Всюду книги. За исключением этих. — Он извлекает из стопки две коробки.

Кухонным ножом Беатрис вскрывает коробки. Мужская одежда с запахом камфоры; кухонная утварь; лекарства; всякая всячина; для нее — ничего.

— Вы не это ищете? — спрашивает агент.

Он держит маленькую коробочку с этикеткой. Она читает надпись: «Витольд Вальчукевич 19.07.2019». Открывает коробочку — внутри фарфоровая урна с пеплом.

— Где вы это нашли? — спрашивает она.

Агент показывает на кухонную полку.

— Поставьте на место.

Она пишет сообщение Еве: «Ева, я в квартире вашего отца. Со мной агент по недвижимости. Мы не можем найти коробку пани Яблонской. Срочно перезвоните».

Агент лениво перебирает пальцами по клавишам, играя гамму. Он пытается сесть на вращающийся табурет у рояля, но табурет сопротивляется. Из-под сиденья агент извлекает картонную коробку. На обложке наклейка с ее именем и телефоном зала Момпоу.

Беатрис открывает коробку. Разрозненные листы, отдельная папка. Ее фотография в купальнике и широкополой соломенной

шляпе, сделанная много лет назад и, вероятно, украденная поляком из дома в Сольере.

— Это оно, — говорит Беатрис. — То, что мы так долго искали. Спасибо, спасибо вам. Я очень признательна. А теперь идите. Я останусь ненадолго. Когда буду уходить, запру за собой дверь. Вы не против?

Молодой человек нерешительно мнетя. Он ей не доверяет? Беатрис протягивает ему руку, и после секундного колебания он ее пожимает.

— Еще раз спасибо. До свидания. *Do widzenia*. — Она смотрит, как он уходит.

8 Беатрис просматривает бумаги: распечатки мейлов, которыми они обменялись, ничего больше. Она открывает папку. Вероятно, это стихи, на польском, каждый на отдельном листе, пронумерованные от I и до LXXXIV.

Итак, вот что оставил ей Витольд, пианист, о былой славе которого скоро никто не вспомнит: не музыку, а какую-то рукопись. А вот место, где он жил, когда над ней трудился: унылая квартирка в безликом районе города, откуда он родом. Загадка. Впрочем, возможно, так он воображал себе монашескую келью, место, куда удалился от мира.

Она листает рукопись, ища свое имя среди сплетения согласных, и несколько раз оно ей попадает — не Беатрис, но Беатриче. Перед ней книга о Беатриче, сочиненная безвестным последователем Данте.

9 Она могла бы засунуть рукопись обратно под сиденье табурета, который увезут на распродажу. Или подложить в коробку со всякой всячиной в гостиной, и тогда рукопись закончит жизнь среди оберток от еды, апельсиновых корок и пенопласта где-нибудь на свалке в польском пригороде. Сделав это, она закрыла бы за собой дверь (до щелчка!), вызвала такси, добралась до аэропорта как раз к вечернему рейсу до Барселоны через Франкфурт и никогда больше не вспомнила бы ни о поляке, ни о его поэме, посвященной Беатриче.

А могла бы забрать стихи с собой в Барселону, заказать перевод и напечатать вручную на дорожной тряпичной бумаге ограниченным тиражом в десять экземпляров, *El libro de Beatrix de W.W.*¹ Один экземпляр она отошлет в Берлин его дочери, чтобы та не думала, будто она, Беатрис/Беатриче, какая-

¹ Книга Беатриче авторства В. В. (исп.).

то шлюха, а остальные уберет в шкаф, и сыновья обнаружат их там после ее смерти и поймут, на какие высоты, какие глубины страсти вдохновляла их мать даже в зрелом возрасте.

Как поступить? Забрать поэму с собой или оставить здесь, отринуть и забыть? Этот мужчина мертв. Его дочери все равно. Беатрис не перед кем отчитываться, кроме самой себя.

10 Надо бы почитать Данте. Ее образованность никогда не простиралась так далеко. Она знает его портрет, тот, знаменитый, но не стихи. Чертами лица он чем-то напоминает самого поляка. Такой же угрюмый.

«Ты бы почаще улыбался, — как-то сказала она поляку. — У тебя приятная улыбка. Люди смягчатся, если ты научишься им улыбаться».

11 Она и сама смягчается, теперь, когда у нее в руках его завещание. И пусть великие безнадежные страсти не ее стезя — такова уж ее конституция, — это не значит, что Беатрис не способна восхищаться величием страстей, бушующих в душах других.

Приятно сознавать, что он ее не забыл, напротив, восславил в своих стихах. Его Беатриче. Должно быть, ему пришлось потрудиться. Даже по-испански подобрать рифму не легко, а что уж говорить о польском!

12 Неплохо было бы побеседовать с его дочерью. По телефону та показалась ей холодной и безучастной, но, возможно, все дело в немецких конструкциях, проглядывающих через ее английский. Беатрис могла бы заглянуть в ее оживленный ресторан в Берлине. Привет, Ева, позвольте представиться. Я Беатрис, подруга вашего отца из Барселоны. Если у вас есть время и вы не нужны на кухне, может быть, присядете и поболтаем? Вы считаете меня одной из тех гарпий, что вцепляются когтями в знаменитостей и высасывают из них кровь. Вы ошибаетесь. Я не такая. Я не искала внимания вашего отца. Это он в меня влюбился. Я могла бы захлопнуть дверь у него перед носом, но я этого не сделала. Я обращалась с ним так мягко, как только возможно. Воспоминания, которые он сохранил обо мне, были по большей части счастливыми. А если не верите, вот, смотрите, эти стихи он посвятил мне.

13 Тикают часы. Сейчас три часа дня. Если она хочет сегодня спать в своей постели, ей следует поторопиться. С другой стороны, можно провести эту ночь в Варшаве, а вылететь утром. Переночевать в этой квартире, изучить окрестности, поесть настоящей польской еды (что бы это могло быть: кровавая колбаса, вареная картошка, квашеная капуста?) и улечься в постели покойного. Есть свои неудобства: ни электричества, ни постельного белья, но как-нибудь обойдется. Этот мужчина страдал из-за нее — более того, тосковал по ней, — поэтому незазорно пострадать немного ради него.

14 Беатрис оставляет сообщение мужу: «Переночую в Варшаве. Завтра вернусь».

15 Мальчишки с велосипедами пропали, собака тоже. Беатрис гуляет по окрестностям. Здесь не на что смотреть — ничего такого, чего она не видела бы дома. В убогом магазинчике она покупает пакетик кураги, пачку печенья, бутылку воды. Возвращается в квартиру и при остатках дневного света привлекает из коробок шерстяной свитер и вельветовые брюки. Ее пижама на эту ночь. Во-

ду не отключали, поэтому Беатрис удастся умыться.

16 Она спит, но снов не видит. Ей никогда ничего не снится. Тем не менее посреди ночи Беатрис просыпается, чувствуя чье-то присутствие.

— Витольд, если это ты, иди приляг рядом со мной, — шепчет она в темноту.

Ни движения, ни звука в ответ. Она снова засыпает.

17 Утром она вызывает такси и к девяти утра уже в аэропорту. Ей приходится долго ждать своего рейса; она использует это время, чтобы неторопливо позавтракать, сделать массаж и маникюр. К шести вечера она дома, отдохнувшая и улыбчивая.

— Я получил твое сообщение, — говорит муж. — Как поездка? Мне нужно ревновать?

— Он умер, — отвечает Беатрис. — К кому ревновать?

— Отчуждение привязанности, или уход от мужа, — говорит он. — Разве он не увел тебя от мужа?

— Не смей. Я никогда его не любила. Это он был в меня влюблен. Ничего больше.

— А коробку, ту знаменитую коробку ты привезла? Что там было?

— Случилось недопонимание. Я неправильно поняла его дочь. Я ждала чего-то личного, но он оставил мне только свою книгу о Шопене, по-польски. На память. *Memento*¹.

— Выходит, твоя поездка была пустой тратой времени.

— Не совсем. Я увидела Польшу, хотя бы мельком. Увидела, где жил Витольд. Попрощалась с ним.

— Он был важен для тебя, да?

— Нет, не был, не сам по себе. Человека нужно обнадеживать, особенно женщину. Человеку нужны доказательства, что он кому-то важен.

— И я тебе таких доказательств не даю?

— Даешь, но недостаточно.

18 *Не важен. Это ложь? Я никогда его не любила. Это правда. Это он был в меня влюблен. Снова правда. Тогда в чем ложь?*

У нее есть секреты от мужа, как и у него есть секреты от Беатрис. В крепком браке партнеры уважают право друг друга хранить секреты. У нее крепкий брак, а то, что слу-

¹ Сувенир (исп.).

Дж. М. Кутзее

чилося на Майорке, может считаться ее секретом.

Ее муж — человек приземленный и многое повидал. Он понимает, как широко можно трактовать фразу: «Мы не были любовниками». Что входит в это понятие, а что нет. «Мое сердце принадлежит ему» точно не входит. Ее сердце никогда не принадлежало поляку.

19 Книжка о Шопене, сувенир, — не выдумка. Она вынула ее из коробки в гостиной и прихватила с собой, чтобы сказать мужу: «Смотри, вот его последний дар».

ЧАСТЬ ПЯТАЯ

1 Она запускает программу перевода с польского на испанский и набирает первый стих поэмы, изо всех сил стараясь не пропустить ни точки, ни черточки, ни загогулилки. В том, что возникает на экране после того, как она нажимает на клавишу, мало смысла. В стихотворении три героя: Гомер, Данте Алигьери и безымянный бродяга, который следует по их стопам вместе с каким-то зверем — скорее всего, собакой, — бродя по многолюдным городам и выпрашивая подаяние. Бродяга встречает женщину с прекрасным родимым пятном розового цвета, которая приносит ему мир. Вскоре после этого он оказывается в Варшаве — городе его рождения и смерти, — воспевая хвалу поэту — Гомеру? Данте? — указавшему ему путь.

Бродяга определенно сам поляк, а женщина с родимым пятном предположительно она, Беатрис. Откуда взялось родимое пятно? Нет у нее никакого родимого пятна.

Возможно, это символ? Некоего скрытого изъясна, который она прячет под одеждой?

Она и не ждала от компьютерной программы идеального перевода. Ей нужен был только ответ на вопрос: каков тон поэмы? Доброжелательный или нет? Хвалебный или обвиняющий? Гимн возлюбленной или, напротив, горький прощальный упрек отвергнутого воздыхателя? Не такой уж сложный вопрос, но компьютер равно глух к оттенкам тона, как и глуп.

2 Томас, старший и любимый сын Беатрис, приходит на обед с женой и ребенком. После обеда она улучшает возможность поговорить с ним наедине.

— Ты не знаешь кого-нибудь, понимающего польский? Мне нужно кое-что перевести.

— Польский? Нет. А что именно перевести?

— Это долгая история, Томас. Был один поляк, который был мной увлечен. Недавно он умер, и дочь нашла и передала мне сборник его стихов, вероятно посвященный мне. Это не великая поэзия, но грустно сознавать, что человек посвятил этим стихотворениям столько сил, а никто их не прочтет. Я пыта-

лась воспользоваться автоматическим переводчиком, но язык слишком сложен для компьютера.

— Я поспрашиваю. Я кое-кого знаю в университете в Вике. У них есть языковой факультет. Может быть, найдется преподаватель польского. Он был в тебя влюблен, этот поляк? Кто он такой?

— Пианист, довольно известный. Записывался на «Дойче граммофон». Мы познакомились, когда он давал концерт по приглашению Концертного Круга. Воображал обо мне невесть что. Хотел, чтобы я улетела с ним в Бразилию.

— Чтобы ты все бросила и сбежала с ним?

— Он был от меня без ума. Я не воспринимала его всерьез. А теперь эти стихи. Я чувствую себя немного виноватой. Чувствую, что должна прочесть их. Посмотрим, что у тебя получится. Только отцу не говори, прошу тебя, не нужно ничего усложнять.

3 Томас звонит на следующий день. К сожалению, в Вике не учат польскому. Он советует обратиться в польское консульство.

На сайте консульства она находит список аккредитованных переводчиков. Выбирает

первую фамилию из списка: Клара Вайз Урицца, бакалавр (Триест), переводчик (Милан).

— У меня есть текст на польском, который нужно перевести. Сколько вы берете за ваши услуги?

— Зависит от того, какой текст. Юридический документ?

— Это сборник стихотворений, всего семьдесят четыре, большинство небольшие.

— Стихи? Я не литературный переводчик. Перевожу коммерческие и юридические документы. Если хотите, пришлите мне образец, и я посмотрю, что можно сделать.

— Я бы лучше передала стихи лично. Не хочу доверять их чужим рукам.

— Днем я работаю в туристическом агентстве. — Она называет адрес на Рамбле. — Можете оставить там.

— Я предпочла бы общение один на один. Если вам это неудобно, скажите сразу, и я поищу кого-нибудь другого.

4 В воскресенье такси везет ее в район Гра-
сия, где живет синьора Вайз. Это седо-
власая дама с пышным бюстом, которая бы-
стро говорит на кастильском диалекте с ита-
льянским акцентом. В квартире жарко, но
хозяйка в свитере.

Она предлагает кофе и слишком сладкую выпечку.

— Признаюсь, я никогда еще не переводила стихов, — говорит она. — Надеюсь, они не слишком современные.

Она, Беатрис, передает копии, которые сняла с первых десяти стихотворений.

— Их сочинил мой знакомый из Варшавы. Он умер. И он не профессиональный поэт. Я понятия не имею, хороши ли его стихи.

— А чего вы хотите? — спрашивает синьора Вайз. — Перевод, который можно будет опубликовать?

— Нет, вовсе нет. У нас — у меня и его дочери — нет планов их напечатать. Прежде всего мне хотелось бы знать, о чем там говорится, о чем эти стихи.

Синьора Вайз листает стихотворения, качает головой.

— Что касается этих стихотворений — я могу перевести для вас каждое слово, превратить каждое польское слово в испанское, но не могу сказать: «В стихотворении говорится об этом, оно означает то-то». Понимаете? Обычно я имею дело с юридическими документами, с контрактами. Когда перевожу контракт, я должна присягнуть, что мой перевод единственно верный. Это то, что требуется от аккредитованного переводчика. Од-

нако интерпретировать контракт, разъяснять тонкости — дело юриста, не мое. Ясно ли я выражаюсь? Поэтому я переведу для вас эти стихотворения, а вы уж сами решайте, о чем они.

— Отлично. Сколько вы берете?

— Семьдесят пять евро в час, это стандартная ставка, одинаковая для всех. Сколько потребуются часов? Восемьдесят стихотворений, говорите, по одному на странице? Может быть, часов десять, может быть двадцать, трудно сказать. Для меня поэзия — незнакомая сфера.

— Некоторые стихотворения длиннее, поэтому всего страниц около сотни. Можете вы перевести для меня первое стихотворение прямо сейчас? В общих чертах. Чтобы я составила представление о тоне. Я заплачу вам за час работы.

— Первое стихотворение, в нем говорится: незнакомец должен знать, что этот человек много лет путешествовал и играл на арфе во множестве городов и разговаривал со зверями. Незнакомец должен знать, что этот человек — его имя не называется — следовал по стопам Гомера и Данте, жил в темных лесах и пересек винноцветное море. Затем говорится: он нашел идеальную розу между ног одной женщины и обрел мир. Он поет эту

песнь в Варшаве, городе, где родился и умер, поет во славу женщины, которая указала ему путь.

Между ног одной женщины. Ничего о родимом пятне. Ничего о собаке.

— Это все?

— Это все.

— А второе?

— Тут есть эпиграф: *Per entro I miè disiri, che ti manavano ad amar lo bene*¹. Любовь, которую ты испытывал ко мне, привела тебя к добру. Это Данте на староитальянском. В стихотворении сказано: когда он был молодым щеголем, модником — вы понимаете? — ему нравилось смотреть на какую-то женщину, но он не мог иметь ее, не мог ею обладать. У нее голая шея, она крутит юбкой, как-то так. И все желания, мужские желания, поднимаются от его мужских органов, поднимаются по крови и... мне нужно уточнить слово по-испански, это медицинский термин — к его глазам. Он смотрит на нее — и глазами он обладает ею. Затем он идет в какое-то собрание, выбирает красивую девушку и использует ее в качестве... *biombo, pantalla*², но это неточно, что-то вро-

¹ «На путях моих, руководимый помыслом о благе, взыскуемом превыше всех других...» (Данте. Чистилище. Песнь 31. Перев. М. Лозинского).

² Ширма, экран (исп.).

де экрана, или ширмы, а глазами пожирает далекую... далекую женщину, чье имя — Беатриче, *la modesta*¹ (он использует итальянское слово или испанское, это одно и то же). Скромность, говорит он, ее высшая добродетель, а еще благодать и доброта. Затем он говорит: мне не повезло, я опоздал, я жил слишком далеко от нее, у меня был только ее образ перед глазами, который, словно птица, трепещет в памяти. Эти стихотворение сложное, гораздо сложнее первого, над ним придется поработать.

— Спасибо. Сложное стихотворение, вы правы. Я тоже его не понимаю. Позвольте мне заплатить вам и немного подумать в тишине — подумать, хочу ли я, чтобы вы перевели сборник до конца.

Она отсчитывает купюры.

— Он называет ее Беатриче, — говорит синьора Вайз. — Это не вы. Это подруга поэта Данте.

— Верно, — соглашается Беатрис. — Беатриче из поэмы мертва много столетий. Я же еще жива. До свидания. Я дам вам знать, если решусь.

Они с синьорой Вайз обмениваются особой улыбкой, улыбкой соучастниц.

¹ Скромница (кат.).

5 «Любовь, которую ты испытывал ко мне, привела тебя к добру». Ему следовало написать: «Любовь, которую я испытывал к тебе, привела меня к добру». Так будет яснее: разлученный с любимой, он преобразовал боль разлуки в намерение стать лучше.

Данте и Беатриче — он взял не тот миф. Ошибся. Она не Беатриче, она не святая.

А какой миф тут подошел бы? Орфей и Эвридика? Красавица и чудовище?

6 Она возвращается к первому стихотворению, которое запутало компьютерную программу, но не составило труда для синьоры Вайз. «*Homera i Dantego Alighieri*» определенно «Гомер и Данте», а «*idealną różę*» несомненно «идеальная роза». В таком случае «*wcześniej między nogami jego pani osiągając idealną różę*» — про обретение розы, про достижение идентичности через сексуальную любовь; но искать ее между ног? Какая вульгарность! Неудивительно, что, дойдя до этого места, синьора Вайз запнулась. Вероятно, задумалась: «Во что я ввязываюсь? Наверняка дальше будет хуже».

Сначала пани Яблонская, затем его дочь в Берлине — а теперь синьора Вайз. Круг ширится. Когда пани Яблонская отложила руко-

пись для таинственной испанки, она, вероятно, успела украдкой прочесть несколько строк и была потрясена вопиющей откровенностью на самой первой странице. И Ева, хоть и не признается, наверняка это видела. Стоит ли удивляться ее презрительному тону! Как унижительно и досадно!

7 Она, Беатрис, родом из культурной семьи. Ее дед по отцовской линии, будучи студентом университета в Саламанке, видел, как книги сжигали публично, и никогда об этом не забывал. «Настоящее варварство», — говорил он. Впоследствии дед стал профессором права и собрал внушительную библиотеку, перешедшую по наследству ее дяде Федеригу. «Сжигание книг — прелюдия к сжиганию людей» — это дедово высказывание было частью семейного фольклора. Дед умер, когда Беатрис было пять лет; она помнит только крепкого старика с колючей бородой и его трость с набалдашником из слоновой кости.

Сжигать письма не то же самое, что сжигать людей. Каждый день люди жгут старые письма. Жгут, потому что в них нет ничего важного или потому что испытывают смущение, читая, к примеру, послания от тех,

в кого были влюблены в детстве. Более или менее то же самое верно и для дневников. Однако восемьдесят четыре стихотворения поляка — не письма, если только в некоем особенном смысле, и не дневник — и снова лишь в некотором, неочевидном смысле. Это рукопись, а значит, зародыш книги. Сжигание стихов больше похоже на сжигание книг, чем на сжигание старых писем. Можно ли считать сжигание стихов актом варварства, прелюдией к сжиганию людей?

Ответ не столь очевиден. В Испании поляк никто, и никому не интересны его любовные похождения. Но не в Польше. Там мысли известного интерпретатора великого национального композитора о времени, проведенном между ног женщины, могли бы вызывать известный интерес и даже гордость. Для поляков сожжение его писем определено может сойти за варварство. Цивилизованным поступком, несомненно, было бы вернуть стихотворения в польский музей Шопена или в коллекцию рукописей национальной библиотеки. Вернуть анонимно, чтобы ни сейчас, ни в будущем никто не постучался к ней в дверь и не спросил: «Так вы и есть истинная Беатриче? Женщина из Барселоны, между ног которой Витольд Вальчукевич обретал духовные откровения?»

8 Целыми днями она размышляет о том, сжечь его стихотворения или поручить синьоре Вайз их перевести (за немалую сумму); и, если выберет второе, готова ли она прочесть перевод и, возможно, испытать боль и унижение?

Она размышляет — и, исчерпав все варианты, усилием воли заставляет себя сбросить наваждение и обращается к насущным делам. Папка с восьмьюдесятью четырьмя стихотворениями отправляется в нижний ящик стола.

Но даже там стихотворения не дают ей покоя. Медленным огнем они тлеют в нижнем ящике стола.

Поляк хотел сказать, что еще долго любил ее после того, как они расстались на Майорке. Но того же самого можно было достичь, отправив простой мейл: «Дражайшая Беатрис, я пишу со смертного одра, чтобы сообщить, что любил тебя до самого конца. Твой верный слуга Витольд». С какой стати стихи? И почему так много?

Ответ может быть только один: он хотел не просто сказать о своей любви, но и доказать ее — доказать, совершив ради Беатрис продолжительное и, по сути, бессмысленное деяние. И все же почему именно стихи? Если считать критерием продолжительный и бес-

смысленный труд, почему бы не выгравировать Нагорную проповедь на зернышке риса и не отослать ей в бархатной коробочке?

Ответ: потому что посредством стихов он хочет воззвать к ней из могилы. Поговорить с ней, добиться ее благосклонности, чтобы она полюбила его и сохранила живым в своем сердце.

Бывают хорошие виды любви и плохие. Что это за любовь, которая днем и ночью горит между ног женщины, в нижнем ящике ее письменного стола?

В молодости она действовала импульсивно. Следовала своим порывам, потому что доверяла им. Сейчас она гораздо разумнее. Нет сомнений, что самое разумное — отойти от огня, дожидаться, пока прогорит, и потом, если к тому времени ей еще будет любопытно, поворошить золу.

9 На Майорке, лежа в постели Беатрис, он называл это ее розой. Звучало фальшиво тогда — и теперь, в его стихотворении, звучит не менее фальшиво. Никакая не роза и вообще не цветок; что тогда?

Она помнит, как росли ее мальчики, помнит их неутихающее любопытство к девочкам. Если у девочек *этого* нет, что у них есть?

Не может же, чтобы у них ничего не было? А если что-то есть, какое оно, *это*? Любопытство; но и ужас. Они плещутся в ванне, брызгаются, смеются, шумные, перевозбужденные. Мама, какое оно, *это*? Так и надо говорить: *это*?

Это: откуда они пришли, покрытые кровью и слизью, возникли среди шума и яркого света этого мира. Неудивительно, что они орут — *слишком! слишком!* — неудивительно, что требуют вернуть их обратно, чтобы согреться в старом знакомом гнездышке, посасывать большие пальцы и мирно дремать. А теперь поляк, мужчина крупный — огромный! — но так же по-детски, выходя из ее тела, из ее постели, чувствует себя не менее смущенным и испуганным. *Это*: роза, которая вовсе не роза.

10 Хвастовство. Так мужчины пытаются побороть смущение. Ее сыновья такие же, теперь уже взрослые, много повидавшие. «Она была моею, эта умная дама из Барселоны. Я сжимал ее в своих объятиях, мял ее розу». Нескончаемая, первобытная война между мужчинами и женщинами. «Я поимел ее, она была моею, прочтите об этом все».

Она ранила его. Задела его гордость. После такого оскорбления все его усилия были

направлены на то, чтобы защититься, нанося глянec, слой за слоем, поверх раны. Она позвала его в свою постель, потом вышвырнула. Это его месть: заморозить ее, эстетизировать, превратить в арт-объект, в Беатриче, гипсовую святую, которой будут поклоняться и устраивать уличные процессии в ее честь. Мать милосердия.

11 Но если он написал эти стихи, чтобы отомстить ей, как понимать эпиграф к десятому стихотворению, из Октавио Паса, которого поляк цитирует по-английски? «Парадокс любви: мы любим одновременно смертное тело и бессмертную душу. Не испытывая влечения к телу, влюбленный не смог бы полюбить душу. Для влюбленного желанное тело и есть душа». Относятся ли эти слова к Витольду: полюбив ее тело, он любил ее душу? Выглядит правдоподобно. Но по-прежнему не дает ответа на вопрос: почему ее тело? Ее душу?

Вернемся к Беатриче, настоящей Беатриче. Что заставило Данте выбрать ее среди других женщин? Или к Марии. Что такого было в Марии, исполненной благодати, что подвигло Господа посетить ее в ночной тиши? Изгиб губ, излом бровей, абрис ягодич? В ка-

кой момент она, Беатрис, женщина, которой поручили пригласить на ужин заезжего солиста в тот роковой вечер в 2015 году, стала его единственной? Что такого в ней было, заставившее его выбрать именно ее? Что божественное разглядел он в ней в тот вечер? И куда оно делось теперь?

12 Как гром среди ясного неба звонок из Польши. *Vous parlez français, Madame?*¹ Пани Яблонская, которую она представляла себе гораздо старше и куда менее бойкой. Извиняюсь, что не ответила раньше, семейные неприятности, пришлось спешно выехать в Лодзь, я до сих пор там. Извиняюсь, что не открыла квартиру, что пропустила ваш приезд, вы нашли то, что Витольд для вас оставил? Дорогой Витольд, нам его так не хватает. И Ева, такая занятая, а приходится улаживать дела на расстоянии: какое неудобство, какая жалость!

Она, Беатрис, не настроена выслушивать поток слов на малознакомом языке (*un peu plus lentement, s'il vous plaît!*)², однако есть вещи, которые может знать только польская

¹ Вы говорите по-французски, мадам? (фр.)

² Чуть помедленнее, пожалуйста (фр.).

соседка. Например, что стало с квартирой, где она провела одинокую ночь и где до сих пор — если ее опыту можно доверять — обитает призрак бывшего хозяина? Например, сохранила ли пани Яблонская, помимо сборника стихотворений, какое-нибудь послание для нее, Беатрис из Барселоны? Например (если она отважится об этом спросить), показывал ли ей бедный покойный Витольд свои стихи, особенно первое, в котором метафорически упоминается «роза»?

Вам, должно быть, известно, что Витольд владел двумя смежными квартирами — вставил между ними дверь, еще в девяностых, тогда это стоило дешево, — но, к несчастью, переделку не узаконили, тогда строители делали все *à l'arabe*¹, и теперь квартиру, которая на самом деле представляет собой две квартиры с двумя почтовыми адресами, нельзя продать без переоформления документов, и Еве, бедной Еве, приходится заниматься этим из Берлина. Ева наняла людей вывезти вещи, мебель, книги — все, включая рояль Витольда, — поэтому квартира стоит пустая, но продать ее нельзя, какая трагедия!

À l'arabe: что бы это значило? Или она ослышалась?

¹ По-арабски (фр.).

— Простите, что прерываю, — говорит Беатрис, — но Витольд когда-нибудь говорил обо мне?

Наступает долгое, очень долгое молчание. Впервые ей приходит в голову, что история о спешном отъезде в Лодзь может бы выдумкой, что пани Яблонская вовсе не сморщенная старушка-вдова в черном, которую она себе вообразила, и что «соседка Витольда» может быть тонким эвфемизмом, как-то связанным с соседними квартирами и смежной дверью.

— Если он не считал это нужным, то и не важно, — говорит она, прерывая молчание. — Спасибо, что связались со мной. Это очень любезно с вашей стороны.

— Постойте, — говорит пани Яблонская. — Вы больше ничего не хотите узнать?

— О Витольде? Нет, мадам, больше ничего. Я знаю все, что мне требуется.

13 А было что-то еще? О чем еще угрожала ей рассказать эта женщина? Как страдал бедный Витольд? Как встретил смерть? Нет, она предпочла бы оставить это в неизвестности.

Если она приоткроет калитку, кто знает, что выплеснется наружу?

14 Она звонит синьоре Вайз.
— Я решила заказать вам перевод всего сборника. Пришлю текст курьером на адрес турагентства с пометкой «лично». Не хочу, чтобы его видел кто-то чужой. Могу я на вас рассчитывать?

— Можете. В поэзии я не сильна, но сделаю все, что смогу. Вы не против того, чтобы заплатить задаток?

— Я приложу к рукописи чек. Пятисот евро хватит?

— Хватит.

15 Через неделю от синьоры Вайз приходит сообщение. Перевод готов. За все она просит полторы тысячи евро.

Я заскочу вечером и заберу перевод, отвечает Беатрис.

Дверь открывает молодой мужчина.

— Привет. Вы та дама, что должна забрать стихи? Заходите. Меня зовут Натан. Мамы еще нет, но она скоро будет. Пожалуйста, присаживайтесь. Хотите посмотреть перевод?

Он передает ей объемистый пакет: ее копии и аккуратно напечатанный перевод на испанский. Она бросает взгляд на первую страницу. Дама, у которой что-то между ног, никуда не делась.

— Я тоже поучаствовал, — говорит Натан. — Мама не сильна в поэзии.

— Вы говорите по-польски?

— Не особенно, но я читал много польской поэзии. В Польше стихи как болезнь, все ими заражаются. Ваш поэт — как его звали?

— Вальчукевич. Витольд Вальчукевич. Он недавно умер. Вы были в Польше?

— Дерьмо ваша Польша. Что мне там делать? И раньше было плохо, а теперь еще хуже.

До Беатрис доходит, что они евреи — Клара и ее сын, — а стало быть, у них есть веские и достаточные основания не любить Польшу.

— Вальчукевич. — Он произносит фамилию как поляк, куда лучше, чем Беатрис, между ног которой лежал ее носитель. — Он же не великий поэт?

— Поэзия не была его инструментом. На самом деле он был музыкантом, пианистом. Известным интерпретатором Шопена.

— Стишки довольно средние, но некоторые выделяются. Они про вас?

Она молчит.

— Держу пари, он был в вас влюблен. Но если он знал, что вы не сможете их прочесть, почему не перевел их для вас?

— Польский был его родным языком. Писать стихи можно только на родном языке. По крайней мере, меня учили так. Может быть, ему было не важно, прочту ли я их. Может быть, ему было важно выразить свои чувства.

— Может быть. Что мне в них нравится, так это то, что они не сухие и ироничные, как сейчас принято. Вы слышали о Циприане Норвиде? Нет? Вам стоит его почитать. Вальчукевич — это такой Циприан Норвид¹, только пониже классом. Лучшее стихотворение там — сами увидите — это где он ныряет на дно моря, оказывается лицом к лицу с мраморной статуей и понимает, что это Афродита, ну, богиня. У нее большие раскрашенные глаза, которые смотрят сквозь него, его не видя. Жуть. Я где-то читал, что в Средиземном море полно обломков кораблекрушений: монеты, статуи, посуда, кувшины для вина. Хотел бы я когда-нибудь понырять у берега Греции, кто знает, может быть, получится и мне повезет.

— Витольду не везло.

Молодой человек смотрит на нее со странным выражением.

¹ Циприан Камиль Норвид (1821–1883) — польский поэт-эмигрант, драматург и живописец, получивший признание уже в XX в.

— Я хотела сказать, он был невезучим. Если бы он отправился понырять, то не нашел бы статую. Вернулся бы с пустыми руками. Или утонул бы. Таким он был. На кого вы учитесь?

— На экономиста. Не мое, но мама говорит, сейчас такое время. Чтобы чего-то добиться.

— У меня двое сыновей, немного старше вас. Они не изучали экономику, но добились немало. И довольно успешны.

— А что они изучали?

— Один — биохимию, другой — инженерное дело.

Она многое может сказать о своих сыновьях, очень многое, но не говорит. Беатрис гордится ими, тем, как рано они начали жить своим умом, как будто их жизнь — деловое предприятие, которым требовалось управлять разумно и твердой рукой. Ее сыновья пошли в отца. Не в нее, Беатрис.

— Что вы собираетесь делать со стихами? — спрашивает молодой человек. — Опубликуете?

— Вряд ли. Стихи посредственные, вы сами сказали — и, судя по всему, вы правы: кому придет в голову их купить? Нет, публиковать их я не стану, но я обещала Витольду, что о них позабочусь, присмотрю за ними. Не знаю, как выразиться точнее.

Возвращается Клара Вайз, обвешанная покупками.

— Извините за опоздание. Натан показал вам стихи? Надеюсь, они вам понравятся. Все оказалось не так сложно, как я опасалась, стоило только начать. Интересный человек этот ваш Вальчукевич. Я нашла его в интернете. Как вы и говорили, он был пианистом, но рассказывал ли он вам, что в молодости, в шестидесятых, издал книгу стихов? То, что мы называем *publikacja ulotna*, проходная, случайная публикация. Тогдашние власти его не жаловали.

— Я ничего не знаю о его молодости. Он не любил откровенничать.

— Все это есть в польской «Википедии», если вы читаете по-польски.

— Позвольте я выпишу вам чек. Полторы за минусом аванса?

— Все верно. Тысяча евро. Я перевела еще пометки от руки, на отдельных листах. Сами посмотрите.

— О, я думала, эти пометки относятся к стихам — исправления, дополнения, такого рода вещи.

— Нет, я так не считаю. Впрочем, вам решать.

Она уходит. Больше она с Вайзами не увидится. Какое облегчение. Они слишком мно-

го о ней знают. Но что в этом особенного? Что у нее был роман? Такое случается на каждом шагу. Что мужчину бросили и он посвятил ей стихи? И такое бывает, пусть и гораздо реже. Нет, стыдно то, что Клара Вайз, совершенного посторонний для них человек, имела доступ к тому, что происходило в душе Витольда, проникла в его душу глубже, чем когда-либо сумеет проникнуть та, которой эти стихи были посвящены. Ведь должны же быть в польском тонкости и нюансы, которых не передаст ни один перевод. Без малейших усилий Клара Вайз стала первой, лучшей читательницей поляка, ее сын — вторым, а она, Беатрис, хромая, приплелась к финишу всего лишь третьей.

16 Она быстро прочитывает перевод Клары целиком. Не все стихотворения можно понять до конца, однако их прозаические версии на удивление ясные. Главное, теперь она знает ответ на основной вопрос. Его стихи — вовсе не акт мести. Они в самом широком смысле признание в любви.

Она перечитывает последние стихотворения, где фразы «мир иной», «в следующей жизни» повторяются неоднократно. Должно быть, поляк, когда их писал, стоял перед ли-

цом смерти и пытался убедить себя, что не все заканчивается ею.

Она пытается вообразить, какой *deus ex machina*, по его мнению, был способен вырвать его из нынешнего мира, мира потерь и горя, и поместить в следующий. Насколько она понимает, перенос случится мгновенно, более или менее волшебным способом. Он прибудет в мир иной сформированным взрослым человеком с полным багажом воспоминаний и начнет готовиться к прибытию своей Беатриче, чтобы зажить с ней в любви и согласии. Беатрис вздрагивает. Он не может дождаться, когда снова ее увидит. Но готова ли она увидеть его? Ведь, сказать по правде, к тому времени, когда его дочь позвонила ей и сообщила о его смерти, Беатрис почти забыла поляка, по крайней мере засунула в долгий ящик, с глаз долой.

Горевать о потерях естественно. У всех народов есть свои траурные ритуалы. Они есть даже у слонов. Она, Беатрис, рано потеряла мать. Эта потеря оставила в ее жизни зияющую дыру. Она горевала, оплакивала мать, она скучала по ней. Затем прошло время, и скорбь отступила, Беатрис двинулась дальше. Но поляк никуда не двинулся, он застрял на месте. Потеряв Беатрис, он все время ее оплакивал, лелея и нянча свою потерю,

как мать, которая отказывается расставаться с умершим ребенком. Он говорит, что ждет воссоединения с ней на том свете, но что это могло значить? Вероятно, бывали моменты, когда, сидя в своей унылой варшавской квартире, он понимал, что больше никогда ее не увидит. И, чтобы это пережить, прилагал все свои слабеющие силы к тому, чтобы вызвать ее из небытия, создать новую Беатрис, преобразованную, но осязаемую версию самой себя, — Беатрис, которая не отвергла его или, того хуже, забыла, а тайно, мистическим образом побуждает его готовить для нее небесное жилище.

Беатрис не верит в жизнь после смерти, разве что в самом метафорическом смысле. Когда она умрет, ее дети будут вспоминать о ней — с нежностью или не очень. Они могут разбирать ее на части вместе со своими психоаналитиками. *(Хорошей ли матерью она была? Или плохой?)* И пока это продлится, она будет наслаждаться мимолетными проблесками жизни. Но когда уйдет их поколение, Беатрис сдадут в пыльный архив, где на веки вечные закроют без доступа дневного света. Такова ее вера, ее взрослое, зрелое убеждение; и она оказывает поляку честь, полагая, что в отрыве от своей музыки и поэзии он его разделял — в самом деле, не ве-

рит же он, что существует иная жизнь в ином мире, где они радостно воссоединятся, дабы наслаждаться счастьем, которого слепой случай лишил их в первом воплощении.

Так чего ради писать в оставшиеся ему месяцы — и посвящать ей — стихи, в которых он с такой уверенностью надеется увидеть ее вновь, стихи, так упорно избегающие вопросов, неотделимых от любой теории загробной жизни? В частности, не прибудет ли возлюбленная в сопровождении толпы законных супругов и любовников, с нетерпением ждущих возможности провести вечность рядом с ней в ее постели? Как в загробном мире обстоят дела с ревностью? Скукой? Голодом? Там испражняются? Носят одежду? Или только эти бесформенные балахоны длинной до щиколотки? А как насчет белья: никаких кружавчиков, только самые простые пуританские фасоны?

Рай: просторная приемная, где души в единообразных балахонах слоняются, выглядывая свои половинки.

17 Не совсем верно, что он уклоняется от вопроса о физическом облике. В одном из стихотворений, посвященных загробному миру, поляк утверждает, что они встре-

тятся нагими, а затем признается, что в этом мире — вероятно, он имеет в виду Майорку — ему было стыдно, что на стол любви он мог подать только свое уродливое старческое тело.

18 Почему она так строга к нему? Почему склоняется над его поэтическим завещанием со скальпелем в руке? Ответ: потому что она надеялась на большее. Тяжело признаваться, но она надеялась, что мужчина, который ее любил, использует эту любовь, эту энергию, этот эрос, чтобы сделать ее образ более живым, чем ему удалось. Это тщеславие? Возможно. Но поляк считал себя художником в великом старом смысле, маэстро, а художник в великом старом смысле (Данте!) подарил бы ей новую жизнь, в которую можно поверить, способную не разрушиться, устоять перед ее беззлобным подтруниванием? «Для влюбленного желанное тело и есть душа». Поляк любил ее тело. Любил ее душу (так он утверждает). Но где в его стихах видно, как тело преображается в душу?

Сын синьоры Вайз счел стихи поляка слабыми, и в большинстве случаев она с ним согласна. Понимал ли поляк, что его стихи не-

хороши? Понимал, но, несмотря на это, продолжал писать, чтобы чем-то себя занять, не видеть, как смерть бочком подкрадывается к нему все ближе?

Весь его жалкий замысел лежит перед ней на столе, попытка воскресить и довести до совершенства любовь, которая всегда покоилась на шатком фундаменте, и Беатрис переполняет раздражение, но также и жалость. Картина перед ее глазами проясняется: старик за пишущей машинкой в убогой квартирке, пытающийся воплотить свою мечту о любви при помощи искусства, которым не владеет.

«Не следовало мне его поощрять, — думает она. — Надо было пресечь это в зародыше. Но я не понимала, к чему это приведет. Не думала, что все закончится так».

Она складывает переводы обратно в папку. Кому еще, кроме нее, придет в голову это читать? Все впустую, весь этот терпеливый труд по укладыванию кирпичика на кирпичик. И нет даже музея плохой поэзии, где его стихи хранились бы рядом с другими образчиками безжизненного пустословия, выходящего из-под пера таких же, как он, не способных сделать слова живыми. *Бедный старина! Бедный старикан!*

Дж. М. Кутзее

19 А ему не приходило в голову, что они могут не встретиться за гробом не потому, что загробной жизни не существует, а потому, что судьба отправит его в подземное царство, пока она, вечно недостижимая, будет парить в небесах?

20 Или наоборот?

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ

Дорогой Витольд!

Спасибо за сборник стихов. Ты не пове-
ришь, каким окольным путем ему пришлось
сюда добираться, но теперь наконец у меня
есть версия, которую я способна прочесть.

Натан, сын моей переводчицы, милый мо-
лодой человек, хоть и немного прямолиней-
ный, сказал, что больше всего ему понрави-
лось стихотворение про Афродиту — там, где
ты ныряешь на дно моря и встречаешь Аф-
родиту в виде мраморной статуи.

Если задумано, что Афродита олицетво-
ряет меня, что я и есть Афродита, то ты оши-
баешься. Я не какая-то там богиня. И не бо-
гиня вовсе.

Ровно так же я и не Беатриче.

Ты жалуешься, что подводная Афродита
смотрела сквозь тебя, будто не замечая. Я же,
напротив, думаю, что разглядела тебя доста-
точно хорошо — увидела таким, как есть,
и приняла такого, как есть. Возможно, ты хо-
тел, чтобы я увидела в тебе божество, чего
я не сделала. Приношу свои извинения.

Меня особенно тронуло стихотворение, в котором ты, маленький мальчик, получаешь урок анатомии от матери. Признаюсь, за все время, пока мы были знакомы, я никогда не думала о тебе как о ребенке. Я относилась к тебе как к разумному взрослому и надеялась, что ты относишься ко мне так же. Возможно, это была еще одна ошибка. Если бы мы сбросили наши взрослые маски и общались как дети, у нас что-нибудь и вышло бы. Впрочем, снова стать ребенком не так просто, как кажется.

То, что ты мне предлагал, — например, сбежать с тобой в Бразилию, — приводило меня в замешательство, но ты никогда по-настоящему за мной не ухаживал. Да и не соблазнял. Надеюсь, ты согласишься, что соблазнения не было.

А мне бы хотелось, чтобы за мной ухаживали. Чтобы меня соблазнили. Говорили ласковые слова, всю эту льстивую ложь, которую мужчины говорят женщинам, когда хотят с ними переспать. Почему мне этого хочется? Не знаю и не желаю знать. Простительная женская слабость.

Почему ты подчинился так безропотно, когда я велела тебе вернуться в Вальдемессу? Не завалил страстными мольбами? «Я не могу без тебя жить!» Почему ты ни разу не произнес этих слов?

Театральность, Витольд! Неужели ты никогда о таком не слышал? Послушай Шопена. Послушай баллады. Забудь свое чрезмерно точное прочтение. Послушай для разнообразия истинных интерпретаторов Шопена, энтузиастов, наслаждающихся театральностью его музыки и не боящихся нажать не на ту клавишу.

Почему, почему ты мне не написал, почему не позвонил мне, когда понял, что умираешь? Ведь это было так просто — куда проще, чем писать стихи. Твоя соседка говорит, что в последние годы ты не занимался ничем, кроме своих стихов. Даже музыку забросил. Почему? Ты утратил веру?

Будь ты Данте, я осталась бы в истории твоим вдохновением, твоей музой. Но ты не Данте. Доказательства перед нами. Ты не великий поэт. Никто не захочет читать о твоей любви ко мне, и — по здравом размышлении — я этому рада и испытываю облегчение. Я никогда не просила, чтобы обо мне писали стихи, ни ты, ни кто другой.

Если ты вдруг забыл, о каком стихотворении идет речь, то вот оно, в новом, нерифмованном варианте:

А у тебя такой есть, спросил я мать,
Когда она вытирала меня после ванны.
Нет, ответила она, я женщина,
Созданная, чтобы получать.

Дж. М. Кутзее

А ты, мой маленький мужчина,
Создан, чтобы отдавать.
Твоя *пися* — для того, чтобы отдавать.
Никогда об этом не забывай.
Что отдавать, мама?
Радость. Вдохновение. Семя.
Чтобы снова и снова, год за годом
Прорастал новый урожай.

Давать семя — что это значило?
Я видел смутно,
А вдохновения не видел вовсе.
Пока не пришла она,
Осветить своим светом мой путь.
Беатриче.

Но что я ей дал,
Войдя в ее тело,
Тело всех женщин,
Тело богини?
Мертвое семя, пустое семя.
Ни радости,
Ни света.

Смелее, сказала мама.
Подобно змее, глотающей свой хвост,
У времени не бывает конца.
Всегда есть новое время, новая жизнь,
*una vita nuova*¹.
Но теперь, мой маленький принц,
Время спать.

Хорошее стихотворение. Уверена, ты со
мною согласишься.

Твоя Беатрис.

¹ Новая жизнь (*ит.*).

Дорогой Витольд!

Второе письмо. Не беспокойся, я не собираюсь заваливать тебя своими посланиями. Не хочу, чтобы ты стал моим тайным другом, призрачным компаньоном, фантомной конечностью.

Для начала прошу прощения за вчерашнюю тираду. Не знаю, что на меня нашло. Может быть, ты и не Данте, но твои стихи очень много для меня значат. Спасибо тебе за них.

Я надеюсь, смерть была не слишком болезненной. В варшавской квартире я наткнулась на твой прах в урне. Твоя дочь забыла его забрать, или прах доставили слишком поздно, когда она уже вернулась в Берлин. Если позволишь, такое пренебрежение к твоим останкам кажется мне довольно черствым, даже по нынешним меркам. Наверняка в Варшаве есть площадь павших героев или что-то в таком роде, где тебя могли бы достойно похоронить.

И твоя дочь, и подруга мадам Яблонская, которая, по моим последним сведениям, гостила у семьи в Лодзи, не распространялись подробно об обстоятельствах твоей кончины.

Я упоминаю об этом из-за слов, написанных от руки на полях предпоследнего, восьмьдесят третьего стихотворения. Поначалу я восприняла их как часть поэмы, но пе-

реводчица со мной не согласна. Она считает, что они никуда не подходят, к тому же написаны не по-польски или по-итальянски, а по-английски. Она называет их «экстрапоэтичными». Вот эти слова: «Спаси меня, моя Беатриче».

Если это часть стихотворения, а «Беатриче» — небесное создание, которое ты заимствовал у твоего приятеля и учителя Данте, то мне нечего больше добавить. Но если «Беатриче» — это я и если, когда ты писал эти слова, ты умолял меня спасти тебя — прийти и спасти тебя от смерти, — я должна сказать, что, во-первых, твое сообщение до меня не дошло — телепатически или иным способом, — а во-вторых, если бы оно до меня дошло, скорее всего, я бы не приехала. Я не приехала бы к тебе в Варшаву, равно как не сбежала бы с тобой в Бразилию. Я относилась к тебе с нежностью (позволь мне употребить это слово), но я не настолько сумасбродна, чтобы ради тебя бросить все. Ты любил меня — в этом я нисколько не сомневаюсь, — а любовь по своей природе сумасбродна. Мои же чувства были более туманными, более запутанными.

Должно быть, это выглядит бессердечием — говорить тебе такое, когда ты беззащитен, но это получилось неумышленно. У тебя за спиной возвышалась целая скри-

пучая доктрина романтической любви, в которую ты поместил меня, свою донну, свою спасительницу. Мне не близки подобные доктрины, я уповаю лишь на спасительный скептицизм по отношению к образу мысли, сминающему все на своем пути и сокрушающему живых людей.

Теперь, когда ты мертв, мы можем быть честны друг с другом, разве нет? Какой смысл притворяться? Давай будем честными, но не жестокими.

Так вот, я не стану притворяться, что мне нравится первое стихотворение в сборнике и та грубость, с которой ты описываешь наши физические отношения. Подозреваю, что твоя дочь прочла его и это повлияло на ее отношение ко мне. Она обращалась со мной, словно я была твоей шлюхой.

Не понравилось мне и второе стихотворение. Я в принципе не выношу мужчин, которые пялятся на женщин. И вовсе не нахожу приятным, когда на меня смотрят с вожделем. И что такое химус (слово переводчицы)? Я прочла в словаре, что это телесная жидкость, но при чем здесь это?

Стихотворение 2

Более всего на свете он жаждал смотреть на нее,
Он, старый мастер, тогда еще молодой самец.
И поскольку не мог ею обладать

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	37
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	65
ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ	111
ЧАСТЬ ПЯТАЯ	133
ЧАСТЬ ШЕСТАЯ	165

Литературно-художественное издание

ДЖОН МАКСВЕЛЛ КУТЗЕЕ

ПОЛЯК

Редактор Александр Гузман
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Наталья Витько, Оксана Пирязева

Подписано в печать 06.10.2023. Формат издания 84 × 90 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 7,7.
Заказ № 5911/23.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА*
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-SMN-32775-01-R

Ожидаемо прекрасно...
Кутзее — самый, наверное,
выдающийся живой классик.

RADIO NEW ZEALAND

Кутзее рисует мир, до боли
знакомый нам в мельчайших
деталях, и пробуждает эмоции
удивительного накала и странности.
Как бы ни было это слово истерто,
перед нами именно шедевр,
подлинное чудо, непостижимое,
трогательное и глубокое.

WEEKEND AUSTRALIAN

